

оксана

бухова

женский детектив

**ПАНИКА, УБИЙСТВО
И НЕМНОГО ГЛУПОСТИ**

Преступник, который номера обыскивал,
Марину убил и отраву в бутылку Бери
добавил.

18+

Детективное агентство «Нафталин»

Оксана Обухова

**Паника, убийство
и немного глупости**

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Обухова О.

Паника, убийство и немного глупости / О. Обухова — «ЛитРес: Самиздат», 2010 — (Детективное агентство «Нафталин»)

Любовь как тайфун закрутила бизнесмена Петра Воронцова, изменив разом и жизнь его братца, тишайшего бонвивана Виталика. На кон поставлены миллионы долларов в прибыльнейшем бизнесе. Хищники, крупные и помельче, стаями кружат возле братьев. У Петра ни малейшего шанса сохранить любовь и деньги. Горят важнейшие документы в конторе у нотариуса, на Виталия совершено покушение, гибнут даже случайно оказавшиеся рядом люди. Но тут бабушка Губкина и ее верная подруга Соня берут горе-бизнесменов под свое крыло, с блеском раскручивая дважды безнадежное дело...Серию продолжит детектив "Садовник для дьявола".Обложку оформил И. А. Озеров.

Содержание

Вступление	5
Часть первая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вступление

Портрет в интерьере

Виталия Викторовича Мусина очень любили официанты, таксисты и некрасивые женщины.

В определенные вечера Виталий Викторович относился к такой симпатии с взаимностью. Изысканно одетый, слегка надушенный, он прятал в нагрудный карман надоевшие очки с чудовищными линзами и приступал к подслеповатой забаве – «охоте в тумане». Он шел на звук женского голоса, как сеттер, учуявший утку в камышах...

Бормоча стихотворение Заболоцкого, поскольку оно наиболее точно передавало настрой, он шел немного вздернуть нервы: «Ты помнишь, как из тьмы былого, едва закутана в атлас... Ее глаза как два тумана... как два обмана... покрытых мглой неудач...»

Неудачниц на век Виталия Викторовича хватало. Как и их сорокавосемилетний кавалер, они с наслаждением погружались во «тьму былого», «кутались в атлас»...

А вот профессионалок Виталий Викторович не жаловал. Любил экспромты.

Наслаждался бархатностью собственного голоса, льющего комплименты в туманно-обманную пелену...

На отказы не обижался, так как фиаско лишь обостряло ощущения азарта.

Опытные официанты ловко подсовывали близорукому клиенту фантастические счета – Мусин не глядя их оплачивал; потом (если «охота» выдавалась удачной) садился с дамой в такси и нисколько не обижался, когда опытный не менее официанта таксист наматывал на счетчик лишние километры. То были вечера туманных обманов и взаимных уловок – порой на задних сиденьях лукавых такси случались такие незабываемо страстные объятия!..

Сегодня был именно такой вечер.

Слегка надушенный и подправленный коньячком Мусин снял очки загодя, дабы не ткнуться на собственное отражение в огромном зеркале знакомого ресторанного предбанника. (Увы, зрелище самого себя даже надушенного и подправленного обязательно убивало охотничий пыл: большие зеркала и всяческие им подобные полированные поверхности Виталий Викторович не выносил, пожалуй, даже больше очков.) И вышел на покрытый туманом берег озера... пардон, ступил на территорию зала ночного клуба.

Здесь по ушам не била грохочущая музыка электронных тамтамов, не дергались в припадках пароксизма тонконогие малолетки, тут приличные толстосумы и их дамы употребляли коньяки и виски, здесь исполняли джаз.

Пышногрудая певица эротично и тесно общалась со стойкой микрофона, лысоватый дяденька нежно сжимал коленями упругое негритянское тело контрабаса, лаская его смычком и щепотью...

Музыкой в целом и джазом в частности Виталий Викторович не увлекался. Но обожал изысканную салонную атмосферу подобных заведений: под потолком переплетается дым сигарет, сигар и чего-то неуловимо запретного; порочный, с хрипотцой женский голос падает с высот на грешный паркетный пол, булькают струны контрабаса – музыкант щекочет их пальцами, и те заходятся в царапающем нервы хохоте, – все вместе бьет по чреслам и оставляет сладкое покалывание...

Мусин мягко скользнул под туманный свод, знакомый метрдотель приподнял левую бровь, чуть склонил голову в поклоне и без лишней волокиты повел богатого посетителя в уголок, где огромными красновато-бордовыми камышами застыли в неподвижности шторы...

Под шторами сидела дама. Блондинка. Слегка за тридцать. Невзирая на легкомысленную масть шевелюры, с увлечением вслушивалась в запутанные джазовые переборы. В чуть полноватых пальцах дамы скучала дымящаяся сигаретка, как будто забытый фужер с коньяком поджидал на столике своего часа...

Виталий Викторович обогнул диванчик-подкову, прежде чем присесть, спросил: позволите? – и, услышав шелестящий рассеянный ответ «Да... да», по тембру голоса дамы почувствовал, что вечер может быть удачным.

Как говорилось выше, профессионалок Мусин не любил (все халдеи в знакомых заведениях об этом знали и в расчете на чаевые не подстраивали каверз). Виталий Викторович вообще не любил ничего общественного, предпочитал труднодоступное и сожалел порою, что времена тотального дефицита скончались от зависти к переполненным магазинным полкам.

Чудесный вечер середины ноября куртуазно и неторопливо набирал обороты. По окнам лупил снег с дождем, в уютном полумраке официант выставлял на столик всяческие яства, дама уже успела прослушать пару четверостиший Бодлера и Бродского...

Очень не вовремя в кармане Виталия Викторовича запиликал мобильный телефон. Мусин глянул на дисплей – звонил Петруша. Младший брат, но главный.

Пробормотав соседке: «Простите великодушно», Виталий Викторович отозвался на звонок:

– Да, Петя.

– Здорово, Маргадон. Чем занят? Мусин плутовато скосил глазки на утянутую в гипюр грудь визави, пожал плечами:

– Да так... ничем.

– Кажется, понял. Слушай сюда. У меня для тебя сюрприз. Встречаемся завтра в три у Подольского, я отправлю за тобой машину, пакуй чемоданы для жаркого отдыха, не забудь загранпаспорт...

Петруша четко отдавал команды, подбородок Виталия Викторовича в кивке отмечал каждую запятую в монологе брата, дама уже слегка рассеянно слушала что-то из Луи Армстронга, и вечер переставал быть куртуазным и плавным. Примерно в пяти кварталах от джазового вертепа Виталия Викторовича ждали незаполненные для жаркого отдыха чемоданы.

А впрочем...

Нет. Чемоданы важнее. Сюрпризы от Петруши частенько случались такими длинноногими и дивными, что встретить их желательно во всеоружии: с не забытым впопыхах дезодорантом и солнцезащитным кремом, в плавках под тон шейного платочка, с проверенными таблетками от диареи и общей вялости мужского организма.

В общем – куча дел!

Виталий Викторович расплатился по счету, невнимательно накидал даме что-то из Есенина и погреб к берегу, обозначенному квадратной прорезью гардеробной.

* * *

В 14.51 разъездной представительский «мерседес» компании подвез Виталия Викторовича к крыльцу нотариальной конторы. Поток машин, текущий по узкому переулку центра Москвы, не позволил шоферу мгновенно выскочить и раскрыть заднюю пассажирскую дверцу – Виталий Викторович любил подобное к себе внимание. Пыхтя и оглядываясь в поисках младшего брата, Мусин стал выбираться из кожаного салона и сразу попал начищенной туфлей в кучку жидкой черной грязи у парапета.

Втянувшись обратно и, выдыхая сквозь зубы вполне литературные ругательства, оттер белоснежным платочком с носка ботинка жижу, мало похожую на снег.

Платочек, безразлично, двумя пальцами, закинул в выемку-кармашек на двери.

Вот так всегда. Настроиться на праздник – и тут же ногой в дерьмо. Москва, Москва... Но ладно.

Смешно раскорячившись, Виталий Викторович высунул ногу далеко вперед, установил ее на тротуаре и довольно ловко проскочил над кучкой.

...В просторном, намеренно чопорном холле Петруши тоже не было. Только охранник и отражение Виталия Викторовича в огромном, почти старинном зеркале: низкорослый пухлощечий господинчик в отличном костюме, расстегнутой нежнейшей дубленке и ботинках, один из которых мерцал, второй сверкал.

Виталий Викторович поджал губы и отвернулся.

«Натюрморт».

Обидное прозвище из школьных времен. В четвертом классе, когда учитель физкультуры попросил всех мальчиков подтянуться на турнике, пузатый, похожий на переспелую мягкую грушу Виталик Мусин повис на перекладине на долю секунды, сорвался вниз и смачно шлепнулся на мат.

– Ну точно – груша, – обреченно махнул рукой физкультурник. – Вставай, натюрморт.

По правде говоря, голова Виталика походила именно на этот плод – удлинённый череп с круглыми, румяными щеками при практически полном отсутствии подбородка. Покоилась вся эта грушевая прелесть на иксообразной подставке из двух коротких пухленьких ножек. И в самом деле натюрморт – два фрукта на подставке-вазе.

Петруша, учившийся в той же школе тремя классами младше, пытался ввести в обиход – иногда кулаками – другое, домашнее прозвище Маргадон, но получалось плохо. До выпускного вечера Виталик так и оставался рохля-натюрморт-слюнтяй, за которого вступается младший брат.

ТЬФУ! Припомнится же эдакая гадость...

Виталий Викторович одернул лацканы пиджака и поднялся по лестнице, ведущей на второй этаж, к двери с табличкой «Нотариус Борис Альбертович Подольский».

В заполненном антикварной мебелью солидном кабинете нотариуса царил приятный осенний полумрак, слегка рассеянный зеленолицей бронзовой лампой на письменном столе. Борис Альбертович помог посетителю избавиться от дубленки – как уже упоминалось, Виталий Викторович ценил подобное обхождение, а нотариус всегда был мудро обходителен с богатыми клиентами – и в который раз удивился нелепости бытия: brutальный, могучий Петр Афанасьевич всего лишь гендиректор у этого манерного щекастого тюфяка...

– Виталий Викторович, всегда рад вас видеть! Как здоровье, как настроение?... Чай, кофе, коньячку?..

– Нет-нет, благодарю. – Свое поведение Виталий Викторович считал старомодно-галантным и очень удивился бы, узнав, что кое-кто признает его слащавой манерностью. – А где Петруша... Петр Афанасьевич?

Борис Альбертович сделал изумленное лицо:

– А разве Петр Афанасьевич вас не предупредил? Сегодня вы будете тут один.

– Один? Совсем?

– Да. Все документы готовы, ожидают только вашей подписи.

– Ну что ж... Тогда приступим, Борис Альбертович.

Все документы, подписываемые в присутствии брата, Виталий Викторович подмахивал не глядя. Сегодня же решил вчитаться и... обомлел.

– Борис Альбертович... Что это?! – сказал, отпихивая от себя бумажки.

Нотариус смутился:

– А разве брат вам *вообще* ничего не сказал?

– Нет! Я Петю восемь дней не видел!

- Ах вот как, – пробормотал поверенный.
- Я сейчас! – воскликнул Мусин, выхватил из кармана пиджака сотовый телефон и стремительно заелозил коротким пальчиком по кнопкам. – Алло! Петруша! Где ты?!
- Я здесь, – невнятно ответил младший брат.
- Где здесь?! Ты видел, что мне предлагают подписать?!
- Видел.
- Мне предлагают лишить тебя поста генерального директора и аннулировать доверенность на управление имуществом!
- Я знаю. Все правильно, – в том же четком ритме отозвался Петр. – Подписывай. Я уже возле конторы на улице, перенес твой чемодан к себе в машину, жду.
- Ждешь? – опешил Мусин, но в трубке уже зазвучали гудки отбоя. Виталий Викторович беспомощно взглянул на Бориса Альбертовича – от волнения толстые линзы очков запотели, и смутно угадываемая сквозь них фигура нотариуса ободряюще покивала.

По улице летали огромные хлопья снега. Втянув непокрытую голову в плечи, Виталий Викторович поискал глазами машину брата с высоты крыльца: знакомый «бентли», «порше» или хотя бы «мерседес» компании...

Какое-то непонятное серое чудовище с покореженными боками со скрипом отворило дверцу, из машины, перевешиваясь через пассажирское сиденье, показался Петр:

– Эй, Маргадон!

Виталий Викторович оторопел и машинально снял очки, протер их очередным белоснежным платочком: не показалось ли? Петруша в этом чудище?!

Неуверенно перебирая ножками, Мусин приблизился к автомобилю: Петруша. Никаких сомнений. Сидит и улыбается. Доволен.

– Хватит тарашиться, Маргадон. Садись, поехали.

– Куда?! На *этом*?!

Петруша положил ладони на руль, Виталий Викторович озабоченно подобрал полы дубленки («Боже, весь перепачкаюсь и пропахну бензином, как автослесарь!») и уселся рядом с братом и, осторожно прикасаясь к ручке, захлопнул дверь.

– Сильнее, Маргадон, сильнее! Это тебе не мерин! – Брат непонятно отчего веселился и выглядел счастливым, словно удачно обменял «порш» и «бентли» не на этот четырехколесный примус, а по меньшей мере на «шатл».

Виталий Викторович со злостью грохнул дверцей – на удар отозвалось дребезжанием каждое стекло и что-то в багажнике, а под брюхом измазанного черной жижей чудовища что-то жалобно икнуло.

«Надеюсь, не тормоза», – обреченно подумал Мусин и вызверился на брата.

– Петр, что происходит?! – выдал запальчивым фальцетом. – Где твои машины?!

– Продал, Витенька, все продал, – беспечно отозвался Петр и резким, дергающимся рывком воткнул чудовище в поток автомобилей. – И дом, и квартиру – все продал.

– Зачем?!

Серый, поскрипывающий каждым суставом монстр едва не воткнулся носом в задницу надменного джипа, брат ударил по тормозам, и забывший пристегнуться Мусин едва не расквасил нос о ветровое стекло. Съежился испуганно, заскулил:

– Зачем? Зачем?! Что происходит, Петя?!

Чуть побледневший Петр возился с заедающим рычагом передач. Со всех сторон возмущенно ругались клаксоны. Виталий Викторович благоразумно оставил вопросы, перестал мешать и, надувшись, отвернулся.

Порой он абсолютно не понимал поступков брата. Как когда-то не понимала мама мотиваций и деяний своего второго мужа – громкоголосого весельчака прораба Афанасия Ворон-

цова, огромного, широкоплечего, пригревшего на необъятной груди пухленькую кареглазую вдову Людмилу и пасынка Виталия, который так и не смог полюбить «второго папу». Большой фотопортрет папы Виталика доцента Мусина навсегда застрял в гостиной дома прораба. Добродушный Афанасий даже лично вбил в стену гвоздь для рамки. С нее не просто стирали пыль – целовали влажным языком тряпочки, с ним разговаривали. Портрет и дух доцента витал в квартире строителя неистребимо. И постепенно призрак вытеснил живого. Прораб ушел, был изгнан, почти забыт... Что совершенно не мешало Людмиле жить в его квартире и ежемесячно получать пособие от Афанасия – фи, какое имя! просто комедийный слесарь – на уже двоих сыновей и себя, безработную. Должного образования мамочка так и не получила. Много лет назад она приехала из Ростова в Москву, поступила в институт, но на третьем курсе, будучи уже несколько беременной, вышла замуж за преподавателя Виктора Витальевича Мусина. По хорошо легендированной версии мамы: круглоголового умницу, балагура и знатока литературы...

После скоропостижной кончины доцента в тридцатипятилетнем возрасте мама начала называть годовалого сынишку в честь отца – не Виталиком, а Витенькой. Прораб был мудр, прощал ей все: портреты, оговорки, ссылки, – но оказался не железобетонным. Оставив Люде приличную двухкомнатную квартиру, ушел к Изольде, бухгалтеру из СМУ, где вскоре стал начальником. Афанасий щедро помогал оставленной семье до самого последнего своего дня в 1995 году, когда уже в ранге крупного министерского чиновника врезался на своей машине в борт армейского грузовика.

Но к тому времени уже крепко встал на ноги Петруша, полностью перенявший у отца деловую хватку и умение выстраивать бизнес. «Отряд не заметил потери бойца...» Отряд из мамы и Витеньки давно перебрался из двухкомнатной квартиры прораба, оставив ее только что женившемуся Пете, обратно к матушке доцента, в огромные сталинские хоромы бабушки Антонины Мусиной. «Отряд», как и прежде, зажил сытно, тихо и счастливо (с кратким перерывом на бурный брак Маргадона с мариупольской Галиной).

Галочка, Галочка... Дерзкая, шумная... Она грызла ногти и яблоки, почти не умела готовить. Зато в постели-и-и...

– О чем задумался, Маргадон? Обиделся?

Виталий Викторович очнулся от нектати нахлынувших воспоминаний, строптиво повел плечом.

– Не куксись. Сейчас приедем и обо всем поговорим.

– Куда приедем?

– Так, в одно место. Пообедаем. Я голоден как волк.

Виталий Викторович хмыкнул. Петруша точно – волк. Он голоден, даже если сыт. Точнее – ненасытен. Крепкими белыми зубами он выгрызает лучшие куски: дома, красивых женщин, автомобили меняет чаще зонтов... Ему не требуются уловки, он не боится встретить свое отражение в зеркалах до пола, он бился в школе со старшеклассниками на равных, защищая натюрморт из брата...

Виталий Викторович повозился на сиденье, втянул живот, расправил плечи. Сюрприз-приключение начиналось экстравагантно, но терпимо. Возможно, в этом соль. Необходимая приправа.

Как оказалось чуть позже, с неожиданностями брат переборщил. Привез привередливого братишку в заведение общепита с заоблачными ценами и набором дежурных блюд, коими приличный ресторатор не угостил бы и дворовую собаку. И даже злейшего врага с его собакой.

Заведение располагалось на втором этаже новомодного торгового центра – стекло, фонтаны, мрамор, позолота, эскалаторы. Брат занял столик у огромного, односторонне прозрач-

ного окна и, положив на скатерть рыжую кожаную папку, предложил Виталию располагаться рядом.

Виталий Викторович сел. Одним пальчиком поправил скатерку, отцентровал салфетку и собрал личико в гримасу, подчеркивая, как сильно удивлен и недоволен.

– Обедать будешь? – спросил Петруша с деланным (а может, и настоящим) весельем. Виталий Викторович добавил в гримасу капельку уксуса.

– Как знаешь. Борщи тут отменные. – И жестом поторопил, подзывая к себе официанта.

Сделал заказ, попросив прежде всего принести по сто пятьдесят коньячку.

– Ты за рулем, – напомнил старший брат, как только расторопный официант отправился выполнять указание.

– Можешь считать, что уже нет, – беспечно отозвался Петр. – Машину я оставлю. Заберем только твой чемодан.

Четкие фразы нарисовали картину: несчастное забытое чудовище пылится среди лакированных собратьев и ждет эвакуатор, оскорбляя соседей видом, запахом и стилем.

Петр поставил локти на стол, посмотрел на Мусина и, сразу став пугающе печальным, произнес:

– Прости, Витюша. Я закрутился, надо было давно с тобой поговорить, но извини... Действительно – ни минуты свободного времени.

– У нас что-то случилось, Петенька? – тихо спросил Маргадон, пораженный редким событием: брат извинялся. – Что-то плохое?

– Нет, – покачал головой только что лишенный поста гендиректор и неожиданно улыбнулся. – Отнюдь, брат мой, отнюдь. У нас все хорошо! Отлично! Я, брат, влюбился! – И добавил опасной в его возрасте мечтательности в голос: – Впервые. Вдрызг. Наотмашь.

Наотмашь словно ударили Виталия Викторовича. Он откинулся, собрался сказать что-то подобающее обстоятельствам, но в этот момент к столику подошел официант с подносом. Мусин дождался, пока на столик перед ними выставят коньяк, лимон, тарелочку, украшенную бутербродами с семгой, и налег грудью на край стола.

– При чем здесь твоя любовь?! – прошелестел озабоченно. – Почему ты заставил меня подписать эти нелепые бумаги?! Почему оставил меня одного у Подольского?

– Меня не должны были там видеть, – быстро ответил Петр. – Ты должен был *один* прийти к нотариусу и сам, без моего присутствия или давления, подписать бумаги!

– Но почему?!

– Да потому что завтра я продаю фирму!

Маргадон, чувствуя, как безвольно оползают щеки, как выступает на лбу испарина, помотал головой, будто не поверив услышанному:

– Продаешь?! Но я же подписал бумаги, аннулировал твою доверенность... Ты не имеешь права ничего продавать!

– Подольский не будет регистрировать документы до завтрашнего дня. До трех часов. После твоего ухода он закрыл кабинет и уехал за город. Если я не позвоню ему завтра до трех часов дня, он даст им ход. – Петр похлопал ладонью по папке, в которую переложил подписанные Виталием Викторовичем документы.

– Зачем? Зачем все это?!

– Это – страховка. Я перестал быть уверенным в людях, которым продаю предприятие.

Ну вот и все, екнуло сердце Виталия Викторовича. Сюрприз состоялся. И по совести говоря, чего-то подобного Мусин ожидал уже в течение последнего получаса.

– Петр, это... мошенничество, да?

– Не сходи с ума! Если сделка пройдет как надо, я позвоню Борису Альбертовичу и он уничтожит документы. Я проделаю это с твоим оригиналом.

– А зачем ты вообще идешь на сделку с людьми, в которых не уверен?!

Петр взял в руки пузатый бокал, покрутил конь як по его стенкам и ответил только спустя полминуты:

– Потому что, возможно, я дую на воду. —

Вернул бокал на столик, скривил лицо и снова, будто извиняясь, сказал: – Я уезжаю, Маргадон.

Надолго, возможно, навсегда.

Рука Виталия Викторовича машинально потянулась к фужеру, дотронулась до тонкого стекла и отдернулась, как будто пальцы угодили на раскаленный металл.

– Прости, Витенька. – Он потер небритую щеку. – Я закрутился, вымотался как собака... Совсем не так... не здесь я собирался с тобой поговорить... Но... извини. Получилось так, как получилось.

– Это из-за нее? – потерянно прошептал Виталий Викторович. – Из-за этой женщины?..

– Ее зовут Ирина. – Одно упоминание короткого женского имени вернуло на лицо брата улыбку. – Я, Вить, честное слово, влюбился как пацан!

Виталий Викторович растерянно помотал головой. «Как пацан» Петруша уже влюбился лет двадцать назад в однокурсницу Фаину. И от этой пока единственной влюбленности остались гадкие воспоминания и чудесная дочь Анюта. Красавица – копия отца, на голову выше дяди! – и умница. Учится на ветеринара, мечтает лечить зверюшек.

– В России мы не можем быть вместе, – продолжал брат. – Ира замужем, муж никогда не отдаст ей сына.

– Что значит – не отдаст? Она – наркоманка, истеричка, пьяница? – Сам того не замечая, Виталий Викторович хотел задеть неизвестную женщину, отнявшую у него брата. – Развод...

– Он сказал, что лучше утопит ее в пруду, чем отдаст Кирилла, – тихо перебил Петр. – И от *него* всего можно ожидать. Ира только однажды заикнулась о разводе, ответ ты слышал.

– Этот муж... такой серьезный человек?

– Более чем, Витюша, более чем. Слов на ветер не бросает. У него есть двое детей от первого брака, они уже совсем взрослые, но как бы это выразить... старшие дети не оправдали ожиданий отца. Кирилл – другое дело. – Петр горько усмехнулся: – Растет *наследник*! Мальчишке пять лет, а он уже всю прислугу в шахматы обыгрывает. На коньках катается, верхом ездит...

– Но ребенка можно воспитывать вместе! Даже после развода!

– Воспитывать? – хмыкнул брат и близко близко придвинулся к Маргадону. – Да отец не заходит в его комнату днями! Хвастается как за водной собачкой! Если Ира уедет, воспитанием Кирилла займутся гувернантки и няни! Отца – не будет! Виталий Викторович не выдержал этого бешеного напора брата, отпрянул.

Петр излишне болезненно воспринимал проблемы любимой женщины.

– Ну-у-у... бачили очи, чего куповали... – проговорил Мусин протяжно и опустил глаза. Слишком часто в их среде встречались примеры – молоденькая профурсетка цепляла богатого мужика, рожала ему ребенка и начинала качать права.

– Да не бачили они ничего! – вскипел Петр. – Они по Интернету познакомились! – Убавил пыл, покрутил шеей. – Ира из Новосибирска. Из Академгородка. Отец – ученый, дед – писатель, мама – кандидат наук. Ирка только впервые в Сеть вылезла – бац! Жених. – Пропе-дил сквозь зубы: – Шах персидский, чтоб ему... Маму для наследника выбирал... С генофондом, понимаешь ли... Приехал. Всю родню подарками завалил, Ирка глазом не моргнула – в подвенечном платье! Он же, сволочь, лакированным роялем прикинулся.

Петр положил руку на рыжую папку, расстроено побарабанил по ней пальцами.

– Это Ирина уговорила тебя продать биз нес? – тихонько спросил Маргадон.

– Ира? – усмехнулся брат. – Да она бы еще пятнадцать лет терпела. Для нее главное – сын! Это я ее уговорил, умолил, можно сказать.

– И что теперь? – проникаясь горестями Пети, спросил Мусин.

– А теперь вот что... – Брат стал деловым и сосредоточенным. – Завтра на двенадцать часов дня у меня назначено подписание окончательного варианта договора. Если все пройдет как надо, если деньги в полном объеме поступят на счета, я уезжаю...

– Подожди! – перебил Виталий. – Ты не доверяешь покупателям! Зачем ты идешь на эту сделку?!

Петр усмехнулся:

– Потому что только эти люди дают реальную цену за бизнес. У них есть деньги за границей, им надо легализовать их в России. Покупатели идут на все мои условия. – Петр потер щеку, как будто смел усталость. – Неделю назад мы ударили по рукам, я передал им пакет документов для проверки у юристов и финансистов. Они их проверили, нашли удовлетворительными, завтра все должно закончиться.

– Но ты же им не доверяешь!

– Почему? – удивил вопросом брат. – У меня нет никакого повода им не доверять. Пока они мне его не давали.

– Тогда я ничего не понимаю... Ты попросил меня аннулировать доверенность на распоряжение имуществом! Попросил?!

– Попросил, – согласился брат и замялся. – Понимаешь ли, Маргадон... в последние несколько дней у меня появилось ощущение, что за мной следят.

– Кто?!

– А пес его знает, – слишком беспечно для данных обстоятельств пожал плечами Петр. – Может, вообще – почудилось. – Он отпил глоток коньяка. – Но подстраховаться стоило. Если меня кинут, у тебя будет возможность признать через суд сделку недействительной.

– Ага. А тебя посадят за мошенничество. Счета арестуют, имущество пойдет с молотка.

Петр поморщился:

– Не все так печально. Надеюсь, до этого не дойдет.

– Петр, Петр, ты бредишь! Неужели нельзя отыграть назад?! Пусть продажа компании займет чуть больше времени, пусть даже придется продавать ее частями, но это будут *надежные* партнеры! Я...

– Поздно, – перебил брат. – И слишком много нюансов. Самый длинный след, Маргадон, оставляют – деньги. А Ирин муж будет нас искать. Эти покупатели согласились след не оставлять. И дали реальную цену. Нелегко, Маргадон, найти покупателей, способных рискнуть в свою очередь. Я ведь тоже им выставил ряд условий, понимаешь? Они рискуют не меньше, а может, даже больше моего, так как засвечивают деньги. Вполне могу предположить, что за мной присматривают только из осторожности.

– А если тебя кинут?!

– С документами, которые ты подписал сегодня, я могу испортить им кровь даже из-за границы. Они не станут привлекать внимание к сделке судебным разбирательством – тем более, если истцом выступишь ты, сделку вполне могут признать недействительной...

– Петр, Петр!!! А если они вообще тебя без гроша оставят?!

– Смеешься? Денег, которые у меня уже есть, нам с Ирой хватит до конца жизни. Тем более что я не подпишу ни одного документа, пока первый транш не пройдет на мои счета. Сначала – деньги, потом – стулья. Или, по крайней мере, большая их часть.

– Петр, ты задумал что-то не то, – огорченно пробормотал Виталий Викторович.

Его брат уже какое-то время обеспокоенно поглядывал на часы и на последние слова даже внимания не обратил.

– Ты ждешь кого-то?

– Да, Ирину, – по-мальчишески смутился Петр. – Она настояла, чтобы я вас познакомил перед отъездом. Мы ведь расстаемся надолго...

– Расстаемся? – поразился Мусин. – А разве я не уезжаю с вами?

Петр посмотрел на него так, словно Виталий Викторович сморозил явную глупость, пришлось уточнять:

– Ну, твой сюрприз, чемодан...

– Ах да, – опомнился Петруша и достал из внутреннего кармана пиджака яркую прямоугольную книжечку. – Вот, совсем забыл – авиабилет на твоё имя до Тель-Авива. Сегодня вечером ты улетаешь в Израиль к тете Фире. Порадуешь старушку.

– Я?! – Виталий Викторович прижал обе руки к сердцу. – Один?! В Израиль?! – Вчера он отказался от «туманного приключения» и всю ночь подбирал платочки к плавкам. Оказывается, для тети Фиры?! – Петя, как ты...

– Маргадон, – оборвал стенания Петр, – я хочу, чтобы завтра днем тебя не было в России. Ты мое самое слабое звено. Понимаешь?

– Нет! Не понимаю! – вспыхнул старший брат, схватил коньяк и одним глотком выплеснул в горло почти половину. Закашлялся. И, утирая выступившие слезы, запричитал: – Ты согласился на какую-то идиотскую сделку! Ты продаешь бизнес! Уезжаешь! Я отказываюсь понимать!

– Маргадон, – очень-очень тихо, показывая тем самым, сколь неуместны сейчас громкие выкрики, проговорил Петр, – поздно что-то менять. Кирилл уже за границей. Его вывезла бабушка. Муж Ирины отпустил ее с внуком на лечение в Баден-Баден. Понимаешь – сам отпустил. Вместе с няней и охраной, но отпустил. Завтра вечером Ирина мама, Инна Федоровна, и Кирилл исчезнут из отеля. Все подготовлено. И этой же ночью исчезнет Ирина. Я не могу ничего менять. Завтра – или никогда. Понимаешь?

По большому счету Виталий Викторович должен был кивнуть. Его отважный благородный брат не мог выглядеть трусливей любимой женщины. Он – первый в драке, первый в застолье, в постели, всюду.

Но не кивнул, а фыркнул.

– Витенька, все слишком удачно сошлось. Как по заказу. Нашлись покупатели, Кирилла отпустили за границу, я подготовил, – палец Петра постучал по кожаной папке, – поддельные паспорта для всех. Детективы из тамошнего агентства помогут Инне Федоровне скрыться, здесь, в Москве, все точно так же подготовлено для Ирины... Понимаешь? Я *не могу* ничего менять. Они рискуют больше. Ирина рискует сыном. – И добавил совсем чуть слышно: – А может быть, и жизнью.

– Господи, – простонал Виталий Викторович. – Какой-то бред, бред, бред! Нет – водевиль! Зачем тебе все это?!

– Я не буду ничего объяснять. Познакомишься с Ириной, сам все поймешь.

– А почему ты раньше нас не познакомил?!

Брат усмехнулся:

– Я сам вижусь с Ириной урывками. Она почти нигде не бывает без охраны. И ни за что не будет рисковать сыном и нарываться на бракоразводный процесс даже ради встреч со мной.

– Может быть, она недостаточно тебя любит? – подпустил яду Мусин.

Взгляд Петра потяжелел, на скулах проступили желваки.

– Она уезжает вместе со мной и готова много лет провести в бегах. Разве это не доказательство?

– Прости, прости, – смутился Маргадон. – Твоя Ирина верх жертвенности и добродетели.

– Да. Без натяжек. Если бы я не уговорил ее бежать, она никогда не ушла бы от мужа. Терпела бы все его выходки и растила ребенка. Лет десять или дольше, до совершеннолетия. Ты предлагаешь мне ждать все эти годы? Встречаться по углам, как школярам... Трястись, что вот сейчас поймут «на горячем»?.. Она уже все поставила на карту. Если ее маме не удастся уйти от охранника, Инне Федоровне навсегда запретят встречаться с внуком. Понимаешь? Навсе-

гда. Саму Ирину заставят подписать свидетельство о разводе на условиях мужа. – Петр выпил коньяк, засунул в рот дольку лимона. – Неужели ты думаешь, что я струшу подписывать какие-то бумажки? Предам единственную нужную мне женщину? – Поморщился от кислого, покачал головой: – Да какой я мужик после этого... – Он отвернулся к окну, зацепился за что-то взглядом... И, внезапно вытянувшись, приподнял руку, словно собираясь кого-то приветствовать, забыв, что с той стороны стекло не прозрачное. Чертыхнулся и сел обратно.

За несколько секунд его лицо дважды поменяло выражение: от радостного узнавания – она, она! – до страстного разочарования и даже злости.

Влюблен, подумал Мусин. С разбегу, вправду вдрызг.

– Черт! – повторил Петруша. – Она с охраной.

Виталий Викторович повернул голову по направлению разочарованного взгляда брата и увидел, как вдоль окна рассерженной стремительной походкой скользнула женщина в шикарном бежевом пальто с оторочкой из шиншиллы. Макушка женщины платиново сверкала под лампами, тонкие каблочки осиными жалами кусали мрамор пола.

Сзади за ней тащился здоровенный парень в черном костюме, увешанный магазинными пакетами, как выучный мул.

Мусин больше смотрел не на эту занимательную пару, в общем-то привычную для современных дорогих магазинов, он вглядывался в брата: наверное, такими глазами впивались в стекла вагонов приезжающие с войны фронтовики. Смотрели на перрон, искали лица любимых женщин...

Бежевое пальто скрылось из вида, брат скорчился на стуле, как передержанное тесто.

Женщина с волосами цвета полированной платины вдруг показалась на мостике, перекинутом над первым этажом торговых павильонов.

Прошла до магазина дамского белья, что-то бросила через плечо охраннику, и могучий верзила безропотно остановился у стеклянной витрины, лицом к мосту.

Ирина вошла в торговый зал, не выбирая поснимала с хромированных подставок ворох невесомых тряпочек на вешалках и скрылась в примерочной.

Через тридцать секунд в кармане Петра запиликал сотовый телефон.

– Да, Ира! – моментально отозвался он. Слушал долго. Мрачнел. И, сказав только: – Да, да, я понял, – положил телефон на столик. – Не получилось, – произнес потерянно. – Она не могла сегодня рисковать. Не стала испытывать везение, завтра оно ей понадобится больше...

– А что будет завтра? – тихонько спросил Мусин.

– Завтра ближе к ночи у нее случится приступ «почечной колики». Ира сама вызовет скорую – врачи уже заплачены, ее отвезут в больницу, оттуда она и скроется.

– А-а-а... Петь, ну ладно, чего ты так расстроился? Познакомишь нас позже...

– Ты ничего не понимаешь, Маргадон! У меня все документы, все паспорта, я должен был ей передать, – он ткнул пальцем в папку, – сегодня, сейчас! Завтра у нас не получится встретиться!

– Ну-у-у... передай через кого-нибудь...

– Через кого?! – Петр выпустил в безнадежном выкрике пар, устало потер щеку.

А у Виталия Викторовича вдруг встал перед глазами давний августовский день...

Дача бабушки Тони. Жара и надоедливые мухи.

По полянке носится маленький Петруша – он с громким криком играет в кавалерию. Размахивает прутиком-саблей и хлестко рубит высокую крапиву возле забора.

В тени под древней, почти не плодоносящей яблоней за длинным деревянным столом сидят мама и приехавшая к ней из города подруга. На маме платье из нежной материи: алые маки по желтому полю. На голове почти прозрачная соломенная шляпка, легкие тени бродят по лицу и шее...

На подруге синий ситцевый сарафан в ромашках, из которого торчат пухлые, как булки, белые руки. Она сложила их на животе и почти дремлет.

– Какие они все-таки разные, – говорит мама и любовно смотрит на Витюшу, что на другом конце стола закладывает между страницами старинного толстого фолианта цветы и листики. Гербарий. Первое школьное задание на лето. Толстые Витины пальчики упорно разглаживают упрямые лепестки, придерживают страницы. По щеке ползет муха, но Витя терпит – красиво выполненное задание важнее неудобства. – Не понимаю... – говорит мама. – Почему такие разные? – И недовольно морщится от воплей младшего сына.

– Потому что родила Петьку от нормального мужика, – сонно отзывается подруга, зевает. Она почти спит. Она не видит, кому адресована материнская любовь.

Ошиблась.

Больше Витя никогда не видел эту белокожую неумную подругу. Он даже имени ее не запомнил.

Хотя смысл реплики – родила от *нормального* мужика – гораздо позже, но понял.

...Виталий Викторович горделиво выпрямился за ресторанным столиком, вызвал на себя взгляд брата:

– Документы Ирине могу передать я.

– Ты? – удивился Петр, и на Виталия Викторовича словно подуло жарким августовским ветром.

– Я. К тете Фире можно улететь завтра. Эти документы важны для Ирины?

– Да. Очень! Тут все: деньги, паспорта, номера счетов и коды доступа...

– Коды доступа? – Медленно, пытаясь переварить услышанное, Виталий Викторович налег грудью на стол. – Ты что...

– Да! Да. Я перевел все деньги на счета на предъявителя.

– Зачем?!

– У меня не было другого выхода. Паспорт, который мне удалось купить... я не уверен в его качестве... Как только я пересеку финскую границу, Петр Воронцов перестанет существовать, Маргадон. А в качестве чешского паспорта, который мне удалось купить, я не уверен, понимаешь? Если в банке признают его фальшивым, деньги Петра Ружички навсегда останутся там. Никто, никогда не сумеет их получить.

– Петр, ты с ума сошел, – тихонько выдохнул Мусин.

Честно говоря, предлагая Петруше передать документы, он больше пыжился. А потом, показав себя настоящим старшим братом, собирался намекнуть на другой вариант: рыжую папку можно положить в ячейку любого банковского сейфа, открыть туда доступ Ирине, пусть забирает документы завтра, когда будет свободное время.

Теперь все поменялось. Возможно, все состояние его брата лежало сейчас на ресторанном столике, и отдавать его какой-то женщине Виталий Викторович совсем не торопился. Сначала он должен хотя бы на нее взглянуть! Взглянуть на ту, которой Петр собрался доверить все, все, все!

– Петр, ты сошел с ума, – повторил Маргадон. – Если эти документы попадут в чужие руки... – Очень, очень аккуратно Виталий Викторович намекал брату, как опасно доверять счетам на предъявителя...

– Они попадут только к Ирине, – отрезал Петр.

– Ты так ей доверяешь?

Последний вопрос был задан зря. Глаза Петруши превратились в осколки черного льда, Виталий Викторович лишь поднял вверх ладошки, забормотал:

– Все, все, прости... сморозил глупость.

– Маргадон, если меня что-то задержит в России, у Иры должны быть паспорта для мамы и Кирилла. И деньги. Те, что мне удалось выручить от продажи недвижимости, и старые запасы... Но главное – паспорта.

– Господи, но почему ты не можешь оставить эту папку у себя?! Отдашь ее сам, когда вы встретитесь!

– Не могу, Маргадон, не могу... Не хочу, чтобы завтра эта папка болталась у меня...

На столике вновь затрезвонил телефон, Петр схватил его, приложил к уху:

– Да, Ира!

О чем там говорила женщина, воруящая у него брата, Маргадон не слышал. Ловил на себе чуть смущенный взгляд Пети и рассерженно ерзал на стуле.

– Да, да, конечно. Целую. – Петр закончил разговор, вернул телефон на скатерть и немного ошарашенно поглядел на Витю. – Представляешь, она сказала, что не может уехать не познакомившись с тобой.

– Да? – искренне изумился Мусин. Какая честь... Она «не может так уехать»... Вероятно, и вправду дамочка не рядовая...

Но приятно. Черт побери – приятно! Сам Петруша об этом и думать забыл, когда увидел через стекло охранника с пакетами.

– Ирина предложила отложить твой вылет, завтра она приедет проводить тебя на самолет.

Польщенный заботой Виталий Викторович покачал головой:

– А где вы собираетесь встретиться после побега? Уже за границей?

– Нет. Мы договорились ждать друг друга неделю в «Сосновом бору». Помнишь этот дом отдыха?..

– Слышал.

– Я там отдыхал вместе с Ириной, – смутился Петр, как школьник, пойманный директором школы с окурком в туалете. – Мы решили, что у кого-то из нас может что-то не получиться прямо завтра, и договорились встретиться там.

– А если действительно что-то не получится?

– Давай не думать об этом, Маргадон. Все у нас получится, все будет хорошо. В аэропорт на встречу с тобой Ирина может приехать с охранником и с шофером, в этом нет ничего необычного – кто-то из друзей попросил встретить транзитного пассажира, забрать какие-то документы... Вот где тебя на ночь пристроить?..

– Как это – пристроить?! Я поеду домой!

– Нет, Маргадон, – придвигая тарелку с борщом, принесенную официантом, сказал брат. – Я хочу, чтобы ты уже сегодня исчез из поля зрения. Теперь ты – главный.

– Но об этом знает только Подольский!

– Даже у стен есть уши.

– И что ты предлагаешь? – фыркнул вконец измочаленный нервотрепкой Мусин.

– Ты не мог бы переночевать сегодня, например, у тети Зины? Она живет на «Речном вокзале», оттуда до Шереметьева рукой подать... И на какое-то время отключить свой сотовый телефон? Ты ведь оставил на домашнем автоответчике сообщение, что уезжаешь за границу?

– Господи, а телефон-то зачем отключать?!

– По нему тебя могут найти. Если у меня пойдет что-то не так.

Мусин закатил глаза и развалился на стуле, показывая, как мало у него осталось сил на этот чертов водевиль!

– Могу, Петруша, кажется, я все могу. – И мысленно добавил: «Выстругать из прутика шпагу и рубить крапиву и лопухи возле подмосковных заборов...»

– Отлично. Если я не позвоню тебе завтра до трех часов дня – выключай телефон и вынимай из него зарядное устройство. Документами в этой папке займется Ирина, она лучше тебя разбирается в бизнесе. Если понадобится, в Израиле с тобой свяжутся адвокаты.

* * *

Принять на ночлег сына старинной подруги тетя Зина согласилась легко и с радостью. Намекнула, что в доме закончились конфетно-пряничные запасы, и сказала: жду.

Петруша завез брата в супермаркет, нагрузил пакеты всевозможными чайными вкусами, присовокупил бутылку любимого тетей Зиной вишневого ликера...

Надежды провести тихий вечер под листание старого фотоальбома и воспоминания о маме рухнули, едва Виталий Викторович переступил порог крошечной двухкомнатной квартирки тетушки: в квартирке Зины заседал штаб дворовых пикетчиков.

Виталия Викторовича быстро избавили от дубленки, усадили во главе стола в гостиной – баранки, пряники, конфеты, пирожные мгновенно разлетелись по пикетчикам (те жевали их всухомятку, не отвлекаясь на заваривание чая) – и предложили прослушать одну из печальнейших повестей новой Москвы: в обширном дворе перед окнами тети Зины начиналось строительство многоэтажного дома. Лужайки, детскую площадку, кусты для выгула собак существенно подвинули.

Назавтра тетя Зина собиралась лечь под гусеницы бульдозера. Пикетчики смотрели на нее как на Александра Матросова и уважительно хлебали ликер за ее здоровье. Вдоль стен и среди мебели стояли плакаты, исписанные корявыми письмена: «Руки прочь...», «Лужков, куда ты смотришь?..» и так далее. Тетя Зина готовила для акции непромокаемое коричневое пальто; Виталий Викторович смотрел на эти приготовления с ужасом и молил Небеса, чтобы у бульдозериста оказалось хорошее зрение и тетю Зину в этом (вряд ли непромокаемом) пальто он не принял за комок коричневой грязи.

...Пикетчики галдели до поздней ночи. У гостя Мусина разболелась голова, но слабая попытка улизнуть на ночевку в отель была пресечена тетей Зиной в прихожей:

– И думать забудь! В кои веки в гости заехал. Завтра утречком попьем чайку, Людочку повспоминаем... Иди, я тебе в маленькой комнате постелила...

Совершенно обессиленный, Виталий Викторович завалился спать на узкой продавленной кушетке. В щели между стеной и спинкой дивана поскуливала перепуганная пикетчиками болонка Тася, с вершины полированного шифоньера на ворочающегося Мусина сверкал глазами ошалевший кот.

В соседней комнате громко строили победоносные планы и пили ликер бессонные комитетчики.

Виталию Викторовичу казалось, что мир сошел с ума и здоровыми в нем остались только он, кот и болонка.

Обещанный утренний чай Виталий Викторович и в самом деле получил. Уже без всяких вкусоностей, зато горячий. Вместо желанного старинного фотоальбома ему предложили взять в руки любой из криво написанных плакатов, встать в оцепление и помочь славным жителям района.

Виталий Викторович, вообще и в частности не умеющий отказывать женщинам, сумел-таки отвертеться, сославшись на подступающий насморк и ботиночки на тонкой подошве.

Тетя Зина надела под вязаную шапку теплый пуховый платок, нацепила под пальто мутноватую душегрейку и отправилась лечь под гусеницы, оставив Мусина в квартире, где раздавались только мягкий топоток звериных лап да негромкое бормотание телевизора.

Виталий Викторович еще больше укрепился в мысли о всемирном помешательстве, погоревал, что пандемия в первую очередь затронула Петра и обычно здравую рассудком тетю Зину. Заглянул в холодильник и, только чудом не найдя в нем повесившуюся мышь, в половине первого пошел на улицу искать приличное обеденное заведение.

Найденный ресторанчик с достойным меню и вполне адекватным шеф-поваром немного примирил его с действительностью. Небольшая доза коньяка окончательно согрела стынущую от бессилия душу, и обратно под дождем и снегом Виталий Викторович брел уже слегка примиренный, чуть-чуть согретый и философски настроенный.

Нежную замшу дубленки постепенно украсили влажные пятна, метров через пятьсот, если считать от крыльца ресторана, настроение сделалось под стать погоде, нехорошие предчувствия заерзали в подмерзающей голове, не одетой в шапку по причине ожидаемого «жаркого отдыха».

«Петр позвонит, – зомбировал замерзшую голову Мусин. – Петр позвонит, а завтра я согреюсь под солнцем Тель-Авива...»

...Брат не позвонил ни в три, ни в половине четвертого, ни позже.

Виталий Викторович сновал из угла в угол, метался по крохотной Зининой квартирке и, заламывая руки, считал секунды в ритме шага.

Дважды он порывался звонить Петруше и даже набирал на сотовом его номер. Но в последний момент одумывался и отменял вызов: Петр запретил, сказал: «Я сам свяжусь». Виталий Викторович откладывал телефон в сторону и топал, топал, топал.

Под окнами ревела тяжелая техника, не пропущенная пикетчиками во двор. Сгущающуюся темноту рубили лучи мощных строительных прожекторов, тетя Зина, которую сознательные граждане все же не пустили под гусеницы, бегала с плакатом по небольшому пустырю за детской площадкой, и сейчас ее наполненная жизнь уже не казалась Мусину такой безумной.

Безумным становилось существование Виталия Викторовича. Он знал, что нужно уезжать, выкупать забронированный авиабилет, встретиться с Ирой, но медлил. Уютная и теплая квартирка тети Зины вдруг стала нормой; поджидающий за окном мир, слякотные улицы, гремящий аэропорт показались темной жуткой воронкой: только ногу за порог выставь – затянет, закрутит, сомнет. Квартирка превратилась в гавань. И только темнота напоминала: все сроки вышли, Маргадон. Давно прошли.

Виталий Викторович вызвал по телефону такси, закрыл дверь на ключ, который позже бросил в почтовый ящик, и отправился на улицу, волоча за собой тяжеленный чемодан на колесиках.

На подъездной дорожке к дому такси не оказалось. Дорогу запрудила тяжелая техника, не допущенная к строительной площадке; Виталий Викторович с пониманием отнесся к противостоянию жильцов и экскаваторов, набрал на сотовом последний номер и узнал от диспетчера, что такси в самом деле не смогло подъехать во двор и будет ожидать неподалеку у соседнего дома.

Виталий Викторович убрал телефон в карман, поднял воротник дубленки и в быстром темпе поволол багаж в обход грузовиков. Кошмарный день, кошмарный час, чудовищное невежество. За спиной Виталия Викторовича раздавались крики, звон стекла – погас прожектор. Пикетчики лупили камнями по лампам, из кабин самосвалов начали выпрыгивать кряжистые строители в оранжевых жилетах. Противостояние грозило перейти в фазу крайней активности.

Виталий Викторович вздохнул, помотал головой и, свернув за угол, едва не столкнулся с торопливо шагающими парнями в кожаных куртках.

Чудом не утопив чемодан в глубокой луже, Мусин вытянул его на сухой участок и в тот же момент почувствовал, как со спины его обхватили чьи-то крепкие, дерзкие руки...

Часть первая

Знакомство

Роман Владимирович Савельев не выносил ноябрь. Выматывающую душу черноту бес-
снежных улиц, короткий день, слякотную жижу. В этот месяц темная земля впитывала в себя
не только влагу, но и свет. Вместо нормального снега на голову валилась непонятная мокрая
каша, неприлично обнаженные деревья дрожали от ветра, как от стыда, и очень напоминали
старух нищенок, протягивающих в никуда стынувшие корявые руки.

Уныние и серость... Бр-р-р!

День двадцать второе ноября особенно не удался бывшему боксеру Савельеву. Недавно
он пригласил в свою команду вполне приличных полутяжей из Ростова, парни ему понравились
– тренировались с отдачей, «режимили», одного из них Роман уже собирался выставить на
соревнованиях через три недели... Но вот – ноябрь! Забери его леший...

Оба ростовца свалились с гриппом и теперь отлеживались на съемной квартире, нагревая
градусники до тридцати восьми... Такое бывает у атлетов на пике формы, вся зараза липнет...

Хорошо, хоть день выдался свободным! Савельев накопил проверенных лекарств, зата-
рился провизией и, оставив в клубе за главного второго тренера, поехал проводить болящих.
А то ведь знает он этих чертей! Закупят в аптеке всякой витаминной гадости, начнут глотать
горстями, а потом допинг-контроль положительный тест даст. За этими чертями глаз да глаз!

...Роман Владимирович забил ребятам холодильник фастфудом из кулинарии, само-
лично напоил их чаем с малиновым вареньем – так, чтобы у glands плескался! – второй пор-
цией наполнил два огромных термоса и очень обрадовался, что у одного паренька температура
поползла вниз.

Ноябрь, ноябрь... Лиха беда начало...

Савельев надавал парням ценных указаний и пошел на улицу.

Во дворе дома, где поселились ростовцы, творилась какая-то непонятная белиберда.
Граждане пенсионного вида забрасывали камнями строительные прожекторы, на скакивали на
рослых мужиков в спецовках. Савельев поднял воротник кожаной куртки и, озираясь на всю
эту чехарду, потопал в обход дома – совсем не по удобному тротуару, куда демонстративно и
мстительно заползли колеса большегрузов, – к оставленному в соседнем дворе джипу. Свер-
нул за угол и увидел еще одну, не менее занимательную картину: два рослых парня мутузили
гражданина в бежевой дубленке. Гражданин тихонько верещал, упирался, тащил к себе боль-
шой коричневый чемодан на колесиках. В общем, держался храбро.

А ведь обычно такие рыхловатые граждане легко расстаются с багажом, подумал Саве-
льев. Бросают чемодан и улепетывают со всех ног, лишь бы в живых остаться.

Но господин в дубленке вел себя нетипично. Упал на чемодан, облапил его ручонками,
и двум амбалам никак не удавалось эти ручонки отодрать. Хулиганы пинали мужика со всем
старанием и вот-вот должны были лишиться его имущества.

– Эй, парни, – тихонько произнес Савельев, возникая за их спинами.

Один из налетчиков повернулся к боксеру, загородил собою место действия и произнес
с угрозой:

– Давай-ка топай отсюда, дядя. – Его руки расслабленно повисли вдоль тела, но опытного
бойца, когда-то знаменитого тяжеловеса Савельева подобной видимой небрежностью было не
обмануть.

Роман незаметно поиграл мышцами, проверил тонус и двинулся вперед.

– Топай, топай, дядя, – повторил бандит.

– Помогите! – раздался придушенный голосок за его спиной, и тут же в Савельева полетел кулак.

Хороший хук. Но в общем-то дворовый. Роман легко ушел от кулака, ударил первого бандюгана в солнечное сплетение и даже проверять не стал, уверен был – удар прошел как надо. Он занялся вторым.

Тот, оставив в покое чемоданную ручку, изобразил ногой нечто отдаленно напоминающее прием карате...

Савельев усмехнулся, дернулся вперед всем корпусом, сделал стойку...

Хулиган попался из тех, что любят смотреть бои по телевизору. Просек мастерский рывок, мышечный объем нечаянного защитника и ножонкой сучить передумал. Рука его нырнула в карман куртки и обратно уже появилась с ножом-выкидухой.

– А это ты, парень, зря, – сердечно и искренне огорчился Савельев. Уклонился вбок, уходя от лезвия, и поймал хулиганский живот проверенным ударом под ребра.

Крошить черепа и челюсти боксер миролюбиво себе запретил. Хотя порой хотелось. В особенности, если «учить» приходилось таких вот остолопов.

Постоял, наблюдая, как корчатся, хватая воздух разинутым ртом, любители гоп-стопа, и, как только парни смогли подняться на ноги, придал им ускорения пинком ботинка.

Гражданин в дубленке истратил все силы в борьбе за чемодан. Лежал на нем, обхватив руками, что-то бормотал и негромко всхлипывал. Савельев присел на корточки, заглянул мужчине в лицо:

– С вами все в порядке?

– А? Что? – очумело переспросил тот.

– С вами все в порядке? – переспросил Роман. – Подняться можете?

Перепуганный бедолага, казалось, мало что соображал. Когда Савельев попытался поднять его с чемодана – разлучить с имуществом! – суматошно замотал головой и впился в кожаные чемоданные бока с прежней решимостью. «Господи, золото он там, что ли, перевозит?!» – рассерженно подумал Роман, но вслух сказал вполне добросердечно:

– Вставайте, вставайте, хулиганы убежали.

– Куда? – жалобно поинтересовался гражданин, огляделся по сторонам и слепо, снизу вверх, посмотрел в лицо Савельева. – А они не вернутся?

– Это вряд ли, – хмыкнул Рома, подхватил бедолагу под локоть и поставил вертикально.

Толстые ноги прилично одетого господина вихляли и подкашивались. Савельев, продолжая держать мужчину под руку, вел его к своей машине, тот постоянно оглядывался, наблюдая, как спаситель волочит за собой еще и его драгоценную поклажу. Руки господина ежесекундно и машинально простирались назад к чемодану, и идти обоим было крайне неудобно.

– Да успокойтесь вы! – не выдержал Савельев. – Вот он, ваш чемодан! Никуда не делся.

– Никуда не делся, – всхлипнул бедолага и, почти лишившись чувств, рухнул на заднее сиденье джипа. Ножки его уныло болтались над землей, пачкая брюки об измазанную ноябрьской грязью подножку.

Савельев достал из бардачка бутылку с минеральной водой, протянул ее гражданину:

– Умойтесь. У вас лицо и руки в грязи.

Бутылка тут же выскользнула из трясущихся пальцев бедолаги, и Рома только чудом успел подхватить ее над мокрой землей.

«Черт! – подумал огорченно. – Надо было милицию вызвать! Пусть бы занимались...» Отвинтил крышку от бутылки, наклонил горлышко и тонкой струйкой пустил воду...

Когда толстенькие пальчики гражданина отмылись от грязи, на его безымянном пальце сверкнуло кольцо: хорошей работы перстень-печатка с внушительным треугольным бриллиантом. «Ничего себе камушек! – мысленно присвистнул боксер. – Придурки отнимали багаж, когда такой перстенок на двадцать чемоданов потянет!»

– У вас успели что-то отнять? – спросил участливо.

– Что? А... да, – похлопал себя по карманам. – Бумажник и телефон... Паспорта, слава богу, в чемодане были.

«Значит, возились и обшаривали долго. Но почему-то тянули к себе чемодан, а не кольцо с пальца... Странные какие-то гопстопники... Не заляпанный грязью бриллиант за километр даже в темноте видно. Сверкает. Хотя, может быть, мужик сразу руками в грязь упал?..»

– Надо вызвать милицию, – решительно заявил Савельев и достал из кармана куртки сотовый телефон.

– Нет, нет! Не надо! – взвился над подножкой ограбленный бедняга. – Я на самолет опаздываю, мне некогда! – И начал обшаривать глазами полутемный двор. – Такси, такси... где-то тут должно быть такси...

Савельев посмотрел вокруг – никакой машины с пашечками на бортах поблизости не наблюдалось.

– Мне негодяи очки разбили, – подслеповато шурясь, признался бриллиантовый господинчик. – Вы тут такси не видите? Какой это двор?!

– Не знаю, – покачал головой Савельев. – Я не местный.

– Господи!!! – взревел несчастный. – Мне надо повторить вызов, номер диспетчера в телефоне остался... Вы не могли бы вызвать для меня такси?! – И тут же передумал: – Нет, деньги, сначала надо деньги...

– У вас же кошелек украли.

– Что? А, нет, чепуха, в чемодане вторая кредитка... Вы не могли бы подбросить меня на проспект к банкомату?! Я видел, тут недалеко!

Роман решительно подхватил с земли чемодан, могучим рывком закинул его в салон:

– Садитесь. Подвезу.

Вся обочина вдоль полосы автострады была утыкана машинами. Минут восемь Роман крутил головой, пытаясь припарковаться, на заднем сиденье, возясь с чемоданными застежками, пытался ограбленный бедняга. Так и не найдя места для парковки, Савельев предложил:

– Выпрыгивайте тут, я покручусь по переулку с вашим чемоданом, потом подброшу до сто янки такси.

Мужчина, что удивительно, забыв о драгоценном чемодане, выскочил на улицу и, прижимая к груди рыжую кожаную папку, видимо извлеченную из чемодана, помчался к банкомату.

Савельев проехал метров триста вперед, свернул в переулок и, развернувшись в каком-то дворе, через пять минут вернулся.

На обочине дороги, стоя между бамперами двух машин, возбужденно подскакивал гражданин в перепачканной бежевой дубленке. Только когда Рома подъехал почти вплотную, он перестал подпрыгивать, и тот вспомнил: бедняга без очков почти не видит.

Гражданин раскрыл дверцу машины и, не залезая в салон, буквально прорыдал:

– Не работает! Банкомат неисправен!

– О боже, – простонал Роман. – Садитесь! Подвезу вас куда-нибудь еще.

– Я не успею!! В аэропорту Шереметьево меня ждет женщина!

У каждого нормального мужика при словах, произнесенных таким тоном: *меня ждет женщина!* – обязательно екает сердце. И просыпается мужская солидарность. Несчастный подслеповатый гражданин таращился на Рому глазами, которые уже заволокла слеза; Савельев – не просто нормальный, а супернормальный мужик – решительно кивнул:

– Садитесь, я отвезу вас в аэропорт. Там есть и банкоматы.

– Я заплачу! – обрадовался опаздывающий к женщине пассажир. – Я заплачу вам, сколько попросите!

– Не стоит, – отозвался Рома, дождался хлопка задней дверцы и ввел автомобиль в поток машин. – Вам Шереметьево-2 нужно?

– Да. Спасибо вам огромное.

Минут через двадцать, успешно прострелив Химки, джип въехал в намертво стоящую пробку. Привычные к подобному состоянию столичные водители безропотно застыли на приколе. Опаздывающий пассажир скукожился на заднем сиденье, его глаза с испугом и надеждой ловили взгляд Савельева в зеркале.

«Вот дьявол! – ругался про себя боксер. – Подвел человека, самаритянин хренов... Вызвали бы мотор, и ушлый московский водила наверняка бы нашел дорожку, огибающую многокилометровый затор. На объездных тропинках столичные таксисты не одну собаку съели...»

И спутникового навигатора, как назло, нет. С недавних пор на парковку возле спортивного клуба повадились автомобильные воришки, бьют стекла и технику вытаскивают...

– Черт! – выругался Рома вслух и обернулся. – Вы по путевке куда-то едете?

– Нет, – покачал головой пассажир. – В Израиль. К тете.

– А женщина ваша...

– Не моя, – перебил бедолага. – Брата.

– А-а-а, – слегка разочарованно протянул Савельев. Глаза далекой, ждущей незнакомки немного утратили придуманную манящую прелесть. – Вас, кстати, как зовут?

– Виталий Викторович... Виталий.

– Я – Роман. Дождется женщина, Виталий?

– Не знаю, – глухо и потерянно ответил спасенный бедолага. – Мы встречаемся по очень важному делу...

– Тогда дождется.

Виталий грустно усмехнулся и отвернулся к черному окну. Савельев занял себя нажиманием кнопочек настройки радио, собирался поймать какую-нибудь веселую мелодию, но наткнулся на дикторскую речь. Послушал чуть-чуть, переключился на другой канал и едва не подпрыгнул, когда пассажир заорал с заднего сиденья:

– Верните! Верните новости назад!

Роман послушно переключил эфир.

«...Пожар удалось ликвидировать. Но, к со жалению, один из кабинетов нотариальной конторы выгорел дотла. Жертв и пострадавших нет. Теперь к новостям спорта...»

– Боже, – простонал Виталий Викторович, —

Подольский, кажется, сгорел...

Боксер перекинулся через сиденье:

– Ваш знакомый?

– Нет... то есть да. Мой нотариус. У вас есть телефон?!

– Да, конечно. – Савельев протянул пассажиру мобильник, тот схватил его, как голодный корку хлеба, прищурился:

– Кому же... Кто же... Анна Дмитриевна! – Потыкал в кнопочки почти наугад, приложил трубку к уху: – Анна Дмитриевна! Это Мусин! Вы новости слушали?!. Нет... Тогда найдите для меня, пожалуйста, номер сотового телефона нотариуса Подольского. – И, пока некая Анна Дмитриевна искала некий телефонный номер, пояснил для Савельева: – Анна Дмитриевна секретарь моего брата. Мы немного дружим, и я наизусть помню ее домашний номер... Да-да, Анна Дмитриевна! Диктуйте, я запомню. – Прослушал сообщение, попрощался и сразу начал набор. – Борис Альбертович? Это Мусин. Как у вас дела? – После первых фраз, произнесенных практически на одном дыхании, Виталий Викторович замолчал надолго, лишь изредка бормоча слова сожаления: – Да-да, какой кошмар, я понимаю... всего хорошего.

Отключил связь и, забыв вернуть Роману мобильник, зажал его в руке, сидел так минут пять, слепо глядя на ветровое стекло.

– Все в порядке? – тихонько спросил Савельев.

– Нет... то есть да. Никто не пострадал. В окно кабинета забросили несколько бутылок с горючей смесью... Весь кабинет, все бумаги... все сгорело...

Роман сочувственно pokrutil головой, мимо черных окон поползли автомобильные фары...

К зданию аэропорта джип подрулил, когда самолет на Израиль уже несколько минут был в воздухе.

Не теряющий надежды на встречу с женщиной брата Мусин выскочил из машины – с рыжей папкой у груди – и помчался в зону отлета. Савельев, понимая, что у Виталика каждая секунда на счету, безропотно выволок из автомобиля чемодан и, лихо управляясь с его колесиками, поспешил следом.

Виталий Викторович заполошенной курицей метался по залу аэропорта.

– Ищите женщину в бежевом пальто! – про орал, пробегая мимо Романа.

Савельев остановился, попытался схватить Мусина за полу развевающейся дубленки, но тот ускользнул, едва не оставив в боксерской руке кусочек замши. Побежал куда-то к справочной, потом вернулся и, озираясь, закружил по центру зала.

– Виталий Викторович! – крикнул Роман. – Дайте объявление по громкой связи!

Мусин побежал куда-то в другую сторону, кажется к дамскому туалету, и вернулся оттуда таким расстроенным, что у Романа аж в груди заныло: по щеке Виталия Викторовича стекала крупная слеза.

– Виталий Викторович, ну зачем же так расстраиваться? Объявите через динамики, что ждете... Как ее зовут?

– Ирина.

– Что ждете Ирину возле справочного бюро.

– Она уже ушла, – сказал Мусин и, забыв о драгоценном чемодане, поплелся к свободному пластиковому креслу. Сел в него, спрятал лицо в ладонях и чуть не выронил на пол рыжую папку.

Савельев подкатился с чемоданом ближе:

– Почему вы не хотите вызвать Ирину по громкой связи?

– Я не знаю ее фамилию, – раздалось из-под пальцев. – А Ирин много.

– Тогда назовите свою фамилию! Она к вам подойдет!

– Поздно, все поздно, – раскачиваясь, забормотал Виталик. – Я всех подвел, я все испортил...

– А телефон ее вы помните?! Или телефон каких-то общих знакомых?! Позвоните им домой, пусть они свяжутся с Ириной и сообщат, где вы ее ждете.

– У нас нет общих знакомых. Только мой брат.

– Позвоните брату!

Двигаясь как сомнамбула, Мусин встал и почему-то поплелся к таксофону.

– Позвоните с моего телефона! – крикнул вслед Роман.

– Нет, нельзя, – донесся едва слышимый ответ.

«Ну и черт с тобой!» – разозленно подумал Савельев и сел на нагретое место. Вокруг дремали и нервничали авиапассажиры. Встречающе-проводящие лица. Роман вообще не любил суету вокзалов; достал из кармана жвачку, засунул в рот подушечку и зло заработал челюстями.

Ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Мусин вернулся минут через десять. Остановился напротив Савельева, и тот в который уже раз за последние два часа испытал острейший приступ жалости. Такие откровенно потерянные лица он видел не каждый день. Глаза Виталия Викторовича плавали в каком-то болотном, мокром тумане, казалось, бедолага совсем ничего вокруг себя не видел...

Он встал над Ромой и очень честно, без какой-либо рисовки произнес:

– Лучше бы меня убили в той подворотне.

– Господи, что вы несете!

– Лучше бы меня убили... Я всех подвел... Впервые в жизни брат обратился ко мне за помощью... – Он повернулся и побрел к выходу из здания аэропорта.

Савельев, цапнув ручку уже не такого драгоценного чемодана, заспешил за ним. Неожиданно для себя, догнав, обнял мягкие замшевые плечи маленького человека в бежевой дубленке:

– Не переживайте, Виталий Викторович. Все образуется. Хотите, я отвезу вас?.. Куда вам нужно?

– Мне все равно...

– Домой?

– Нельзя.

– Что значит – нельзя?

– У меня документы. Они нужны Пете и Ире, а их снова могут попытаться отобрать...

– Снова?

– Ну. Вы же видели...

– Когда? Ах да... То есть, вы хотите сказать, на вас напали не просто так?

– Не просто так, я думаю. Нотариуса же кто-то сжег...

«Ну и дела! – Роман, распахивая мощными плечами толпу, прикрывал собой понуро плетущегося Виталика. – Нотариусов по Москве палят...»

– А эта Ира?..

– А эта Ира теперь осталась без денег и без документов. – Виталий остановился, поднял на Савельева слепые мокрые глаза. – Зачем жить таким, как я, а, Рома? Я всегда все только порчу...

– Ну, ну... – смутился под этим детским честным взглядом боксер. – Все будет хорошо. Все образуется...

Виталий Викторович не поверил, опустил лицо и побрел вперед. Рыжая папка болталась в опущенной руке, как флаг капитуляции, случайно поменявший колер.

Дорога до Москвы, как это часто случается в дни невезения, была абсолютно свободна от пробок. Савельев настроил радио на волну джаза, и минут двадцать мужчины ехали молча. Роман прокручивал в голове слова возможного вступления к прощальной речи: «Я могу довести вас до дома друзей», «Могу подбросить до гостиницы», «Могу остановиться у стоянки такси, у метро, у первого столба и первой лужи»... Почему-то любое из вступлений, как ни меняй слова, звучало именно так: высажу-выброшу, у столба, у лужи...

Что делать с этим потерянным господином, Савельев, честно говоря, не знал. Тот почему-то не давал никаких указаний, просто сидел рядом, уставив пустые глаза в ветровое стекло.

Как будто так и намылился к Роману хоть в гараж, хоть в гости!

– Виталий Викторович, а паспорт у вас тоже украли?

– А? Что? Паспорт? Только заграничный. Российский я на всякий случай положил в чемодан...

– Значит, в гостиницу вы поселиться можете?

– Могу.

Это безропотное «могу» прозвучало так, что Савельев почувствовал, как будто уже выпихнул пассажира в самую глубокую лужу у дороги.

– А может быть, вас отвезти к каким-нибудь друзьям? Вы, мгом, выглядите не лучшим образом...

– К друзьям?.. Мой друг – Петруша... А его сейчас нет...

«Вот ведь попался!.. – Недовольство нет-нет да и проскальзывало в доброй боксерской голове. Роман поскреб в затылке, покрутил шеей... – Вот попался!..»

В кармане Савельева запиликал сотовый телефон, боксер достал его, глянул на дисплей и ответил:

– Да, баб Надь.

– Роман, ты где?! – раздался в трубке могучий пенсионерский рык.

– Еду.

– К нам?!

– Нет. Пока нет...

– А куда едешь? Мы тебя ждем.

– Да вот... – Савельев покосился на несчастного подкидыша, – приятеля одного пристроить надо.

– Куда?

– Куда вас пристроить, Виталий Викторович? – переадресовал Рома вопрос пассажиру. Тот безразлично пожал плечами.

– Бери своего приятеля и дуй к нам, – безапелляционно заявила баба Надя. – Гусь совсем готов!

Савельев пообещал сейчас же придуть. Убрал сотовый телефон в нагрудный карман черной джинсовой рубашки и несколько злорадно ухмыльнулся. Что ж, Надежда Прохоровна, вы сами напросились на очередного подкидыша. Вот чувствует печень-селезенка-сердце, что напросились по самое не балуй!

Полуобернулся к понурому седоку и голосом, лишенным прежних тоскливо-пораженческих интонаций, спросил:

– Виталий Викторович, скажите честно: вам негде переночевать?

– Наверно, – безучастно отозвался тот.

– Поедете со мной в один хороший дом? К моим друзьям и родственникам.

– Поеду.

Испытывая самое мстительное удовольствие, Савельев уверенно утопил в пол педаль газа.

Не так давно при схожих обстоятельствах две тетушки – Надежда Прохоровна и Софья Тихоновна – «подкинули» ему жену¹.

Что ж... напросились сами.

* * *

Виталию Викторовичу Мусину действительно хотелось умереть. Или хотя бы получить серьезную рану, очнуться в больнице – желательно.

Только палата реанимации и смертельно опасное ранение могли бы все исправить. Или хотя бы сместить акценты...

Его честь, его достоинство страдали.

Совість просто билась в корчах.

Душа нанесла себе рваную рану и не меньше брэнного тела хотела в больницу. На белые простыни, под взгляды ласковых сестер.

Куда его везет большой и добрый Рома, Виталия Викторовича интересовало ничтожно мало. Он самозабвенно предавался самобичеванию и старательно культивировал жалость к

¹ История знакомства Романа и Марии описывается в романе «Смерть – плохая примета». дней через двадцать, в палате реанимации, заставленной фундаментальной медицинской техникой... ну, там, искусственная почка, легкое, еще чего-то вокруг кровати шуршит и тикает – и принимать сочувствия-соболезнования без всяческих упреков.

себе, к какой-то Ирине, к единственному брату. Место, куда вез его нечаянный спаситель, было вторично. Могучий Рома мог привезти его к друзьям – таким же огромным бритоголовым (но очень добрым!) бандитам с пудовыми кулаками; мог уложить поплакать в алькове нежной любовницы-подруги; мог привезти в притон; на стачку очередных московских пикетчиков; в сумасшедший дом...

Дверь в квартиру старинного пятиэтажного дома в тихом московском переулке открыла бабушка в коричневом спортивном костюме из плюша. Крупноногая костистая особа с обширной плюшевой грудью и строгим взглядом фельдфебеля на пенсии.

– Ну, наконец-то! – неожиданно низко про басила далеко не нежная любовница.

Виталий Викторович мигнул, изгоняя прочь видение искусственной почки и тикающих механизмов, прошел в большую, парадно сверкающую зеркалами купейных шкафов прихожую.

– Добрый вечер, – сказал с жалостью к себе.

Его голос просто вопил о необходимости сочувствия, роль бедного родственника исполнялась так умело, что даже Станиславский не нашел бы к чему придраться.

Но справедливости ради следует заметить, что исполнялась эта роль практически неосознанно. Виталий Викторович от пяток до макушки погрузился в тягучее горе и плавал там без надежды прибиться к берегу. Он вправду был несчастен. И вправду жаждал сочувствия.

Вот только зритель попался ему негодный.

Надежда Прохоровна Губкина – пенсионерка-крановщица – мужчин любила бравых. Слезливый рохля в тончайших замшевых шкурах вызывал в ней лишь желание отчитать за измазанную дубленку.

Зато несчастных побитых интеллигентов горячо любила Софья Тихоновна – вторая дама, появившаяся в зеркалах прихожей: немолодая, миловидная, с копной прозрачных пепельно-сизых кудряшек, в синем платье с кружевным жабо. Она поздоровалась с Романом, взглянула на Виталия Викторовича и – о, наконец-то! – обеспокоенно всплеснула руками:

– Мой бог, что с вами произошло?!

Испачканный Виталий Викторович потупился, Роман, пропихивая чемодан за шкаф, сказал с какой-то непонятной Мусину злорадностью:

– Вот, Софья Тихоновна, Надежда Прохоровна, прошу любить и жаловать – Виталий Викторович. У него неприятности, ему негде ночевать. И вообще, он не знает, что ему делать.

– Пусть моет руки и идет за стол, – сказала крупноногая особа, подарившая гостю минимум внимания.

– Гусь остыл? – ехидно поинтересовался Рома.

– Пересох!

И Виталий Викторович сразу понял: в том, что пересох гусь, виноват тоже он.

Конечно. Чего еще ожидать от поганого вечера? Он тащит за собой неприятности, как перепачканный чемодан...

Софья Тихоновна помогла Мусину избавиться от дубленки, предложила тапочки и сказала, что проводит в ванную умыться. Надежда Прохоровна зычно гаркнула:

– Арнольдych! Выходи! Ромка приехал!

Проходя по коридору до ванной комнаты, Маргадон столкнулся с невысоким пожилым гос подином в мягком домашнем костюме, с тощим хвостиком из седоватых волос на затылке.

За ухом господина торчала дешевая пластмассовая авторучка.

– Вадим, – сказала Софья Тихоновна, – познакомься с Виталием Викторовичем, он друг нашего Ромы. Виталий Викторович, мой муж Вадим Арнольдович.

Мусин шаркнул тапкой и получил в вялую ладонь пять крепких пальцев, ощущая рукопожатие, далекое от дежурного соприкосновения: муж Софьи Тихоновны оказался неожиданно сильным и крепко дружелюбным.

По центру большого круглого стола в прилично обставленной гостиной стояла тарелка размером с автомобильное колесо. На ней покоился огромный гусь в стадии горячей коричневой переспелости. Вокруг гуся лежал разварной картофель, «подсоленный» укропом, из тушки вылезала наружу гречневая каша с вкраплениями жареного лука и грибов.

Сногшибательно душистый натюрморт. Мечта гурмана. (Только кашу, по мнению Виталия Викторовича, следовало извлечь и положить отдельно.) Надежда Прохоровна вручила Роме нож, разделочную вилку и, приказав: «Действуй», приготовила, держа на весу, тарелку Вадима Арнольдовича.

Действовал Рома, опять-таки по мнению Виталия Викторовича, трудолюбиво, но неумело. Так как при разделке такого кулинарного волшебства, как фаршированный гусь, надобны не трудолюбие и сила, а мастерство и нежность.

Но, как известно, со своим уставом в чужой монастырь...

Виталий Викторович получил тарелку с ломтем птички, обложенным гарнирными добавками, и неожиданно почувствовал, что аппетит так и не разжегся от дразнящего парка, поднимающегося к ноздрям... Глаза вроде бы облизывали каждую косточку, ноздри ощущали дразнящий аромат, но пищевод как будто слипся и совершенно не желал работать.

– Виталий Викторович, – мило укорила Софья Тихоновна, – ешьте, ешьте, остынет...

Виталий Викторович кивнул, поковырялся вилкой в каше... Надежда Прохоровна, уже смоловшая вставными челюстями внушительную порцию грудки, сыто сетовала Роме:

– Что за день такой? В кои-то веки гуся за пекли! И тут... – огорченно звякнула вилкой о тарелку, – Лешку на происшествие вызвали, Настя на работу вдруг унеслась... Машка твоя позвонила, сказала, работы много – отправьте кусочек с Ромой! – Покосилась на Виталия Викторовича, и тот быстренько отправил в рот кусочек мяса.

Пищевод проявил милосердие, разжался и гуся принял. – Сплошное невезение!

Усердно работающий над тарелкой Рома согласно кивнул:

– У меня тоже... двое ребят с гриппом свалились.

– Так ты же им прививки ставил, – подняла брови Надежда Прохоровна.

– Это не мои. С Ростова, непривитые.

– А-а-а-а...

На глаза Виталия Викторовича навернулись слезы. Как давно он не попадал в дома, где все по-родственному мило, необязательно, где каждый знает о жизни близкого любую мелочь. Надежда Прохоровна слышала о прививках каким-то ребятам, Роман одной фразой разъясняет суть проблемы...

Под гуся подали холодную водочку. Расстроенный Виталий Викторович вначале не обратил на нее никакого внимания – наверное, из страха, что противный пищевод учинит какую-либо гадость, но тут вот, от окончательного и почти слезливого расстройства, храбро ткнул полную рюмашку, не дожидаясь поддержки хозяев. Передернул плечами, поморгал намокшими ресницами...

– Виталий Викторович, вы бы поели хоть чуть-чуть, – сердечно проговорила сидящая рядом Софья Тихоновна. – Не нравится?

– Нет-нет, спасибо, все замечательно. Кусок в горло не лезет...

– Роман сказал, у вас что-то случилось.

– Да. – Мусин повесил голову. Ему очень хотелось поговорить с кем-то, снять тяжесть с груди, хотелось быть принятым и понятым.

Но он не мог. Не мог вот так, с бухты-барахты начать вываливать свои горести на абсолютно чужих людей, которые всего-то гусем угостили.

– Мы можем вам чем-то помочь? – Мягкая ладонь Софьи Тихоновны легла на стол поблизости от толстых пальчиков Маргадона, отщипывающих от лежащего на тарелочке хлеба кусочки мякиша.

– На Виталия Викторовича сегодня хулиганы напали, – раздался голос Ромы. Он отодвинул от себя дивно пустую тарелку, промокнул губы салфеткой. – Отняли бумажник, загранпаспорт, телефон...

– Какой кошмар, – покачала головой Софья Тихоновна.

– Хотели отобрать чемодан...

– Хотели отобрать документы, – тихонько поправил Маргадон. – Те, которые я в аэропорт вез.

– Вот-вот, – кивнул Роман. – Хотели, да не получилось. Я вовремя мимо проходил. А потом, – боксер отпил компот, – Виталий Викторович сказал, что лучше б его те бандиты все-таки убили...

– Как это – убили?! – опешила добрейшая Софья Тихоновна и так посмотрела на Мусина, что у него мгновенно запылали уши.

– Мне незачем жить, – вздохнул он протяжно. – Я никчемный человек.

– Господи! Молодой человек, да что вы такое говорите?!

Обращение «молодой человек» наверняка было выбрано доброй дамой не случайно. Оно подчеркивало пригодность Мусина к дальнейшей жизни...

Виталий Викторович тем не менее скусился и произнес уныло:

– Да-да... Я всех подвел...

Надежда Прохоровна, хорошо знакомая с типажом, умело напрашивающимся на сочувствие, слегка, но недовольно покряхтела. Сын ее стародавней подруги из соседнего дома вот так же... Придет, за стол сядет и давай вздыхать. Сидит, сидит, нервы мотает, мотает... Пока мама не начнет переживать: чего ты, сыночек, не кушаешь, чего не весел?! А у сыночка всех бед – что кошелек пустой. Но представление устроит – что твой Никулин!

Надежда Прохоровна сурово поджала губы – знаем мы этих «ограбленных», больше ста рублей в долг не дадим – и очень удивилась, услышав продолжение от Ромы:

– У Виталия Викторовича еще нотариуса сегодня сожгли... Я сам по радио слышал.

Жертв удалось избежать, но контора сгорела дотла.

Ого!

Более приманчивой наживки лукавый тренер боксеров изобрести не мог. Надежда Прохоровна мигом забыла о подозрениях в покусительстве на пенсионные накопления и повернулась к гостю всем корпусом.

Савельев заметил изменение в положении бабы-Надиного тела, усмехнулся про себя – ага, любительница криминальных сериалов, прорняло! – и продолжил:

– Я посоветовал Виталию Викторовичу обратиться в милицию, сообщить о нападении, но он не хочет.

– Почему? – спросила Надежда Прохоровна, не оборачиваясь, ловко нашарила на серванте позади себя очки и нацепила их на нос.

– Я не могу... – печально проговорил гость. – Я не могу подвести брата еще больше...

– А брат-то тут при чем? – Надежда Прохоровна с подачи Ромы заглотила наживку до грузила и лески.

– А он... пропал... Не знаю куда... Точнее – догадываюсь, что с ним могло произойти нечто ужасное... Но в милицию идти не могу.

– Да почему?!

«Для этого Петя должен быть за границей, – мог бы ответить Маргадон. – Если я прибегу в милицию с заявлением о нападении, поджоге кабинета Подольского и пропаже Пети, а после

все это окажется какой-то фикцией... Брат прежде нападавших бандитов может оказаться в кутузке за мошенничество».

– Это долгая история, – туманно вильнул в сторону Мусин и вздохнул с такой самоотдачей, что чуть ремень на брюках не лопнул.

– А вы, Виталий Викторович, расскажите ее Надежде Прохоровне, – с непонятым выражением на лице проговорил Рома. – Она у нас большо-о-ой специалист по распутыванию криминальных историй.

– В самом деле? – поразился Маргадон. – И что... был опыт?

– Грандиозный. Одного бандита лично задержала².

– Не слушайте этого зубоскала! – не шибко возмущаясь, вмешалась Софья Тихоновна. – Виталий Викторович, может быть, чайку?

Но Маргадон уже во все глаза смотрел на бабу Надю. Он просто ни одной секундой дольше не мог держать в себе скопившийся за этот день ужас, душевное беспокойство буквально разрывало его на части...

Вот если бы мамочка – царствие небесное! – была рядом...

Но мамы нет. Есть только люди, собравшиеся за накрытым для позднего ужина столом.

Кажется, мучительная борьба между желанием и нерешительностью так четко отпечаталась на лице гостя, что Вадим Арнольдович, доселе практически не разговаривающий, решил помочь ему вопросом.

– А какие документы у вас хотели отобрать, Виталий Викторович? – спросил он мягко, показывая, что стыдливо мнущегося гостя готовы выслушать.

– Важные. Очень важные для моего брата. Петя... мой брат... За ним следили... кажется. Он не мог возить документы с собой...

Путано вступая в разговор, Виталий Викторович вдруг ощутил облегчение, сродни тому, что чувствует дворовый кот, которого какая-то добрая рука извлекает из щели между мусорными бачками, куда его загнали разъяренные собаки. Кот... то есть человек испытывает страстное желание понравиться и быть обласканным. Прижатым всеми лапами к большой, мягкой человеческой груди. Пусть даже она чуть-чуть отстранена и обтянута коричневым плюшем...

– От этих бумажек зависит судьба моего брата и его любимой женщины. Я не могу отвести их в милицию...

– Понятно, – кивнул Вадим Арнольдович. – Ваш брат занимается бизнесом или он чиновник?

– Мой брат... В общем, так получилось, что он руководит бизнесом, практически принадлежащим мне...

– Тебе?! – перебила Надежда Прохоровна, судя по всему не умеющая долго выдерживать с человеком дистанцию «вы». В особенности если человек этот гораздо моложе, побит, обокраден и ест ее гуся.

Виталия Викторовича слегка покорило это недоверчивое «тебе?!»...

Но впрочем, он привык. Почти каждый человек, узнающий, что многомиллионным бизнесом владеет не Петр, а его никчемный брат, испытывает подобное недоумение.

– Мне, Надежда Прохоровна, мне, – проговорил Мусин с покорной обстоятельством улыбкой. – Что – не похож я на дельца? На воротилу?

Бабушка Губкина насмешливо дернула уголком рта и вредно поинтересовалась:

– А что, есть чем воротить?

– Наденька, ну зачем ты так... – с упреком проговорила Софья Тихоновна.

² История задержания бабой Надей бандита рассказана в книге «Мисс Марпл из коммуналки».

– Нет-нет, я понимаю! – зная, что заступничеством легче всего добиться расположения, воскликнул Мусин. – Я в самом деле никакой не воротила, я к бизнесу на пушечный выстрел не приближаюсь, только бумажки подписываю...

– Наследник? – попыталась проявить догадливость Надежда Прохоровна. – Петя брат двоюродный?

– Нет, родной. Точнее, единоутробный. Но не пытайтесь угадать...

– Была нужда...

«Ну до чего вредная бабка! Ведь видно же – история цепляет! Но ходит вокруг да около, как ворона вокруг полудохлой мыши...» Думая примерно таким образом, Виталий Викторович нисколько не лукавил перед самим собой. Он и вправду чувствовал себя слегка придушенным, затасканным мышонком.

– Мой папа умер, когда мне не было полутора лет, – печально приступил он к рассказу. — Мама снова вышла замуж, уже не по любви...

Родился Петя, но его папа ушел к другой женщине... – Несколькими крупными мазками Маргадон умело нарисовал жалостливую картину почти сиротского житья. Рассказчик Виталий Викторович был опытный. Натасканный на «туманных охотах», когда интонации били точнее двустолки. Ведь вроде бы не врал, все рассказал честно, и мог собой гордиться, но главного, того, что дядя Афанасий продолжал тащить оставленную, так и не полюбившую ее женщину и двоих детей на своем горбу до самой смерти, – так и не сказал.

Не солгал. Но опытно оставил в скобках.

– ...Мы с Петей выросли, брат занялся бизнесом, женился... И вдруг все пошло прахом. Его жена ушла к компаньону по бизнесу, они отсудили у Пети все, что смогли... Мы с мамой к тому времени давно жили в доме у моей бабушки по отцовской линии. Она стала старенькая, за ней надо было ухаживать, а Петр женился, и мама, оставив ему квартиру, переехала к бабе Тоне вместе со мной. – Виталий Викторович сделал глоток компота, воспитанно промокнул губы салфеткой. – А весной девяносто шестого Петя пришел к нам. Сказал, что разорился. Но ему сделали выгодное предложение – пригласили вступить в перспективный бизнес, нужны деньги. Петя попросил маму и бабушку продать большую сталинскую квартиру в центре Москвы, на лето перебраться на дачу, к середине осени – он обещал! – мы все вернемся в город в новые хоромы.

Виталий Викторович снова потянулся за компотом, Надежда Прохоровна покачала головой:

– И ваша мама поверила обещаниям уже однажды все профукавшего сына?

– Да. Мама – святая женщина. И не только она, но и баба Тоня. Петя ведь был ей неродным внуком... Но бабушка согласилась продать квартиру, где вырастила моего папу, где прожила большую часть жизни, поверив словам Петра, поверив в него... В конце осени девяносто шестого года мы и вправду перебрались с дачи в большую новую квартиру. Петр, как говорится, фартовый бизнесмен. Если бы в первый раз его не предала жена, он бы никогда не знал горя. Кстати говоря, бизнес, который отняли у него друг и супруга, просуществовал, кажется, не более полугода. Без Петра предприятие моментально развалилось на куски. Сейчас, если не ошибаюсь, компаньон таксует, Галя торгует какой-то дребеденью на вещевом рынке.

– А как получилось, что бизнес, братом выстроенный, принадлежит тебе? – Надежда Прохоровна поставила локоть на стол и пристроила голову на согнутом кулаке. Весь ее вид говорил – вопил! – что никак она не может состыковать Виталия Викторовича с большими денежными делами. Кольцо на пальце и дорогие костюмчики мало о чем говорят, баба Надя селезенкой непонятки чувствовала.

Гость протяжно вздохнул, недоуменно приподнял брови, как будто то, о чем он собирался поведать, до сих пор в его голове не укладывалось.

– Перед продажей квартиры мама поставила Пете условие – бизнес делится следующим образом: сорок процентов ей и бабушке, по тридцать – мне и Петру. В то время это звучало вполне разумно, вы не находите? Так вот. После смерти бабы Тони и мамы я стал их единственным наследником.

– Почему? – дернул плечом Рома. – Петя тоже мамин сын...

– Такова была ее воля. Да и Петру нравилось быть теневым лидером. Когда вроде бы не сам все решаешь, всегда есть причина для паузы или отказа.

Маргадон мог бы еще сказать – перед смертью мама долго говорила с Петей за закрытой дверью. Виталий Викторович лишь частично знал о чем: прощаясь уже с обоими сыновьями, мамочка сказала, пристально глядя на младшего:

– Ты, Петр, не пропадешь, приглядывай за Витенькой...

Вот так и получилось, что семьдесят процентов семейного бизнеса безоговорочно перешли к «никчемному тюфяку натюрморту». Нельзя сказать, что Виталия Викторовича особенно сильно мучили угрызения совести – брат вкалывает как ломовой извозчик, Витюша только бумажки подписывает. Он честно предложил брату уступить часть своего наследства, но Петр не менее честно ответил: роль серого кардинала его устраивает вполне. Девушки к генеральным директорам меньше претензий имеют, чем к владельцам фирм...

На том и порешили.

– А какой конкретно у вас бизнес? – продолжил интересоваться Рома.

– Гостиничный. В основном.

– А какие документы ты вез Ирине в аэропорт?

– Сегодня я побывал у нотариуса, подписал кое-что... Теперь, как вы знаете, у меня на руках остался единственный экземпляр очень важного документа – кабинет Подольского сгорел вместе со всеми бумагами. Борис Альбертович, понимаете ли, большой любитель антикварных вещей, – невесело усмехнулся Маргадон, – в его кабинете вместо нормального сейфа стоит железный шкаф времен царя Гороха. Затеяливый, но при пожаре абсолютно бесполезный. Все документы превратились в обугленные лоскутки.

– И эти хулиганы собирались отобрать твой экземпляр? – С подачи бабы Нади боксер тоже перешел в общении с Виталием Викторовичем к демократичному обращению на «ты».

– Я так думаю. Но вероятно, их интересовали не только бумаги, но и деньги. Сегодня Петя продал нашу фирму.

– И сколько стоил ваш бизнес?

Виталий Викторович повел плечом:

– Понятия не имею. Миллионов двести, три ста... Думаю, в евро.

Савельев сглотнул, красноречиво посмотрел на окружение...

– И эти деньги можно получить, отобрав у тебя бумаги?

Плечо вновь округло дернулось.

– Я думаю, можно.

«Дебил или блаженный, – растерянно подумал Савельев. – Сидит в неизвестном доме, в компании непонятно каких людей и говорит, что в его чемодане запрятана почти половина зеленого лимона... Точно – блаженный».

Но Виталий Викторович (вполне вероятно, прочитавший по выражению лица боксера, что тот о нем подумал) горячо воскликнул:

– Но их может там не быть! Точнее – не в полной мере, гораздо меньше! Петра могли обмануть покупатели. Мы договаривались: если Петр не позвонит до трех часов дня, значит, сделка пошла наперекосяк, я должен передать документы Ирине, та знает, что с ними делать.

– А в милиции не могут знать, что делать с этими документами? – намекнула Софья Тихоновна.

– Нет. Категорически нет. Я должен найти Ирину и передать ей весь пакет документов.

– Чепуха какая-то... – покачал головой Савельев. – Эта Ира что – невидимка законспирированная?!

– Да! – Мусин так разгорячился, что даже привстал со стула. – В этом-то и дело!

Когда дело перестало касаться щекотливого момента – возможного обвинения брата в мошенничестве, – Виталий Викторович стал куда как откровенней. Отрапортовал о любовной связи своего брата по всей форме, с подробностями и собственными умозаключениями.

– И вот теперь я в совершеннейшей растерянности. Ирина осталась без денег и паспортов для сына и мамы, к мужу она вернуться не может... Что делать?!

– А фамилию ты ее не знаешь?

– Нет! Ни фамилию, ни номер телефона, у стойки регистрации на израильский рейс меня должна была встретить блондинка в бежевом пальто. Это – все! И главное, Петр сказал – Ира знает, как поступить с подписанными мною бумагами, как повести дела. Без совета с ней я и шагу не решаюсь делать! Домой возвращаться боюсь, где искать Ирину – не знаю, Петр – пропал.

Мусин огорченно махнул рукой; все взгляды скрестились на Надежде Прохоровне.

Главная специалистка по распутыванию криминальных головоломок выдержала театральную паузу: сняла очки, протерла их носовым платочком...

– Виталий Викторович, ты фильм «Место встречи изменить нельзя» смотрел?

– Смотрел. И что?

Баба Надя pokrutila головой, посмотрела на всех печально. Ей в ответ усмехнулся только Вадим Арнольдович. (К слову сказать, профессор. Ученый муж, всячески «остепененный», и вообще большая умница.)

– Где твой брат договорился встретиться с Ириной?

– В «Сосновом бору»... Ой!

– Дошло наконец-то? – ухмыльнулась бабушка Губкина.

– Надежда Прохоровна... – пораженно и благодарно протянул Мусин, – голубушка моя... – И бросился целовать руку отставной крановщицы. Уронил на себя бабы-Надин стакан с компотом, облил брюки и, выкрикнув «Простите, я так неловок!», унесся в ванную, а дальше к своему багажу, переодевать штаны.

– Какой воспитанный мужчина, – проводила его взглядом Софья Тихоновна, огромная поклонница культурной речи.

– Растяпа, – пригвоздила баба Надя. – Лентяй и дурошлеп.

– Наденька!

– Что – Наденька? Брат всю жизнь вкалывает, а этот только купоны стрижет. Бездельник!

– Да почему ты решила, что Виталий Викторович бездельник?!

– А как он с мамой и бабушкой все лето на даче мог ошиваться, пока Петька деньги заколачивал?!

– Ты делаешь поспешные выводы. Виталий Викторович мог ездить на работу с дачи.

– Ага. Так я и поверила. У него на физиономии написано – лентяй и прихлебатель.

– На-а-а-дя...

Спорить с Надеждой Прохоровной, за милую чувствующей всяческих ловкачей, Софья Тихоновна не стала. Только, когда Мусин вернулся в гостиную в дорогом домашнем костюме, неловко спросила:

– Виталий Викторович, простите, а кто вы по профессии?

– Я закончил Институт пищевой промышленности, – с готовностью ответил гость. – Несколько лет проработал в НИИ, потом... – развел руками, – бабушка и мама во мне нуждались больше, чем российская наука...

Надежда Прохоровна победно оглядела ближних. Никто не возразил ей даже взглядом. Талант бабы Нади из малейших нюансов собирать полноценный портрет человека снова высту-

пил в полной силе. Никакие душераздирающие истории об умерших папе и маме, о нападениях бандитов не могли сбить с толку приметливую пенсионерку. Алеша – муж внучатой племянницы Софьи Тихоновны и по совместительству местный участковый милиционер, живущий в этой же квартире, – не зря называл бабу Надю «наша московская мисс Марпл».

Окрыленный надеждой (во всех смыслах) Мусин ерзал на стуле, чего-то там прикидывал...

– Виталий Викторович, а вы не хотите попробовать еще раз связаться с братом по телефону? – спросил Вадим Арнольдович.

– Я думаю над этим, – вновь загрустил Виталик. – Попозже схожу на улицу и попробую дозвониться до него с городского телефона... Но боюсь, Петр не ответит неизвестному абоненту...

– Телефон, который у вас украли, был подключен к какой сети?

– Э-э-э... МТС.

– Хотите, я оформлю для вас дубликат вашей же сим-карты? Жена моего аспиранта работает в офисе этой компании. Думаю, она не откажет в такой мелочи... Дадите мне свой гражданский паспорт?

– Мой бог, конечно! Я буду так признателен! – Виталий Викторович приложил обе ручки к груди, одетой в шикарный фланелевый костюм, благодарно посмотрел на Савельева. – Роман, честное слово, не знаю, как вас благодарить... Вы привезли меня сюда... познакомили с такими великодушными людьми... Я – ваш должник! По гроб жизни! – Тут же закрыл лицо руками, округлые плечи заходили ходуном.

Бывает. Переизбыток эмоций выходит из экзальтированной личности слезами и всхлипами. Добрейшая Софья Тихоновна бросилась успокаивать гостя.

Роман Савельев, сидя на низком пуфике в прихожей, зашнуровывал ботинки. Над согнутой спиной боксера стояла баба Надя и ядовито шептала:

– Это почему же, Ромка, ты своего Виталика к себе домой не везешь, а?! У тебя хоромы царские, места побольше, чем у нас...

Савельев жил за городом в коттеджном поселке вместе с женой Машей и ротвейлером Гвидоном. Встав с пуфика, он подпернул штаны за ремень, посмотрел на бабу Надю сверху вниз и зловердно кивнул:

– Ага. А потом ему через всю Москву от моего клуба снова к вам пилить. Зачем дядя Вадим предложил ему телефонную карту восстановить, а?

– Тьфу! – в сердцах, но тихо плюнула бабушка Губкина. Сняла с тумбы Ромину борсетку и пакет с запакованными кусочком гуся и кашей для Марии. – Вот, не забудь, навязались вы на мою голову...

Сказать по правде, ворчала баба Надя больше для порядку. Еще полчаса назад она сходила в свою комнату и разыскала в шкафу запасное «зимнее» одеяло. Но заставить оправдываться могучего Рому – удовольствие редкое. Вполне обоснованно Надежда Прохоровна ждала от Ромы благодарности.

И дождалась. Поцелуя в морщинистую щеку и слов:

– Что бы я без вас делал, дорогая вы моя Надежда Прохоровна. – Савельев тоже хорошо знал бабу Надю, командирский тон и ворчанье которой вовсе не соответствовали широте ее большого пенсионерского сердца. – Кто лучше вас присмотрит за этим недотепой?

Надежда Прохоровна показательно закатила глаза к потолку, закрыла за Ромой дверь и пошла вставлять «зимнее» одеяло в отутюженный пододеяльник.

Выспался Виталий Викторович неплохо. В основном благодаря помощи снотворного, любезно предложенного Софьей Тихоновной. Снадобье оказалось хорошего качества, никакой вялости наутро Виталий Викторович не почувствовал: легко встал, легко накинул на любимую

атласную пижаму любимый шелковый халат с кистями на поясе и эдаким выпавшимся барином с зубной щеткой в кармане вышел из гостиной, где ему постелили на диване.

Постоял, прислушиваясь, в большой зеркальной прихожей, встретился глазами с отражением и тут же почувствовал, как легкость бытия уступает место тоскливой потерянности. В огромной четырехкомнатной квартире было абсолютно тихо, Виталий Викторович почувствовал себя заблудившимся в зеркальном пространстве странником.

Стараясь больше не встречаться с собой в больших зеркалах, прошел по коридору до ванной комнаты и, вытянув шею чуть дальше двери в удобства, увидел на кухне Надежду Прохоровну, примостившуюся у длинного «языка» разделочного стола с чашкой чаю, лицом в окно.

– Кхм, доброе утро, – тихонько привлек к себе внимание.

Надежда Прохорова отвернулась от окна, посмотрела на Мусина, и тот почему-то вспомнил кошмарную детскую больницу, куда залетел с аппендицитом лет в девять.

По совести сказать, больница та была совсем обычной, советской. Кошмарной в ней была только грузная ворчливая нянечка, любившая попить чайку в узкой коморке с большим окном. Много лет назад маленький Виталик зашел туда вот так же, оторвал санитарку от чаепития – пришел сказать, что разлил на кровати принесенный мамочкой морс, – и через десять минут получил по попе жгутом из мокрой простыни... Подживающий на животе послеоперационный шов, следы от инъекций на заднице отзывались на шлепок болезненно и остались в памяти надолго...

Грозная Надежда Прохорова напомнила ту нянечку. А в жизни Виталия Викторовича встречалось крайне мало женщин, с которыми не получалось найти общего языка... Обычно воспитанный мамой и бабушкой Маргадон умел расположить к себе любую бабу-ягу. За десять минут разговора и пару поцелуев ручек, покрытых старческой гречкой.

Надежду Прохоровну, Маргадон это чувствовал, на поцелуи и рассказы не возьмешь. Она поставила на стол недопитую чашку и пробасила громко:

– Выспался?

– Да, да, – заюлил Виталий Викторович, – премного благодарен. А где... все?

– Все на работе. А Софа твои дубленку и костюм в чистку понесла.

Воплощение не напившегося чаю укора в полный рост. Конечно, «граф» Мусин спать изволил. А Вадим Арнольдович повез на работу его паспорт для оформления дубликата телефонной сим-карты; Софья Тихоновна не валялась в постели до полудня, а понесла сдавать в химчистку грязную одежду.

Надежда Прохорова облила «графа» недовольным взглядом, и Виталий Викторович отметил, что вполне ожидаемого приглашения выпить чашечку утреннего чая не получил.

Ну точно баба-яга!

Через пять минут оказалось, что в аттестации Надежды Прохоровны Маргадон все-таки ошибся. Пока он умывался и чистил зубы, Надежда Прохорова не только убрала его постель, но и поставила на стол в гостиной чашки, блюдца, печенья-варенья.

– Умылся? – спросила, впрочем без всякого дружелюбия. Хотя накрытый к чаепитию стол говорил совсем об обратном – законы гостеприимства баба Надя не презрела.

– Да-да, благодарю, все просто замечательно.

– Тогда садись завтракать. Я сейчас яичницу поджарю.

– Ну что вы, не стоит беспокойства! – воскликнул Мусин и с криком: – Я мигом! Я сейчас! – унесся обратно в ванную, переодеться в приличествующий обстоятельствам домашний костюм.

Пока менял пижаму и халат на фланелевые куртку и брюки, пришла идея: когда в комнату с горячим чайником в руках зашла Надежда Прохорова, взору ее предстала трогательная картина – печальный Маргадон подслеповато разглядывает фотографическую рамку, вынутую из чемодана.

– Вот, Надежда Прохоровна, посмотрите – моя мама. Я всегда беру ее карточку с собой во все поездки. Ставлю на тумбочку в гостинице – и... – вздохнул, – как будто мамочка со мной.

Виталий Викторович не был ловким хитрецом. Он просто испытывал жесточайший дискомфорт в присутствии недружелюбно настроенной к нему женщины. Он искренне считал, что любую даму необходимо обязательно к себе расположить!

Ведь женщины – такое чудо! Такая гавань... И когда из химчистки домой вернулась Софья Тихоновна, она застала в гостиной дивную парочку: Надежда Прохоровна с помягчевшим лицом слушала рассказы гостя о мамочке и бабушке.

После завтрака и разговоров Виталий Викторович плотно засел за телефон. Путем неугомимых розысков дозвонился до санатория «Сосновый бор» и минут десять беседовал с тамошним медоречивым менеджером.

– Да-да, конечно, свободные номера есть.

Вам нужен одноместный полулюкс? Вы рассчитываете на лечение?... Нет? Ну что вы! У нас та кие специалисты! Отличные массажисты, стоматолог, а грязевые обертывания... – просто чудо!

Полный комплекс услуг. Бассейн с великолепными инструкторами, сауна, русская баня...

От Петруши Виталий Викторович знал, что в советские времена санаторий специализировался на борьбе с проблемами опорно-двигательного аппарата. Судя по словам менеджера, специализацию эту он не потерял и перейдя в частные руки. Петруша говорил, что позвоночник ему там действительно подправили.

– ...Как вы предполагаете до нас добираться?

На сайте нашего отеля есть подробная карта...

Ах, вы без машины... Тогда – автобус! На машине, конечно, быстрее – чуть более двух часов из любой точки столицы... Но автобусом – удобно.

Хотя и дольше. Он останавливается прямо на развилке к нашему отелю. Гости сообщают по телефону о прибытии, и их встречает машина...

– Как часто ходят автобусы?

Менеджер быстро продиктовал расписание, сообщил, откуда уходят рейсы.

– Наверное, вам будет удобнее выехать рано утром. От Москвы автобус идет четыре часа, но если выехать пораньше, то вы успеете не только на обед, но и на беседу с врачом, диетологом, вам назначат процедуры...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.